

Сказки старого Вильнюса

Макс Фрай

Сказки старого Вильнюса III

«АСТ»

2014

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6

Фрай М.

Сказки старого Вильнюса III / М. Фрай — «АСТ»,
2014 — (Сказки старого Вильнюса)

В Старом Городе Вильнюса 108 улиц, и на каждой что-нибудь да происходит. Здесь стираются границы между снами и явью, переписывается прошлое, из ниоткуда появляются карусели, любопытные ветры гуляют под руку с падшими ангелами, с неба спускаются золотые лестницы, и даже сама смерть, послушная городской примете, вертится на пятке посреди Кафедральной площади, загадывает желание, пока грохочет очередная летняя гроза.

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6

© Фрай М., 2014
© АСТ, 2014

Содержание

Улица Аушрос Варту (Aušros Vartų g.)	6
Улица Бокшто (Bokšto g.)	9
Улица Видуолё (A. Vienuolio g.)	15
Улица Вингрю (Vingrių g.)	17
Улица Гелю (Gėlių g.)	45
Улица Диснос (Dysnos g.)	47
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Макс Фрай

Сказки старого Вильнюса III

Книга публикуется в авторской редакции

© Рената Магзумова, иллюстрации

© Макс Фрай, текст

© ООО «Издательство АСТ», 2016

* * *

Улица Аушрос Варту (Aušros Vartų g.) После того, как все

– Что бывает после того, как все заканчивается? – спрашивает Евка.

Зря она спрашивает об этом меня. Я не священник, не философ-мистик, не духовидец, беседующий с ангелами, когда тем приходит блажь поболтать. Обычный человек, плохой художник, хороший портной, бывший друг Евкиного бывшего мужа. И ее лучший друг.

Когда-то мы отлично проводили время втроем – Витька, Евка и я. А теперь Евка умирает, а Витька сбежал на край света еще полтора года назад, как только узнал о ее диагнозе. А я – ну что я. Явно не тот человек, которого следует спрашивать о важных вещах. Но Евка известная растяпа, никогда не умела сделать правильный выбор. Даже в мужья, как оказалось, взяла самого ненадежного человека в мире, а вот теперь безошибочно отыскала наихудшего теософа – меня. Эх, Евка, Евка.

Я никогда не был в нее влюблен. Мы просто дружили. Сперва потому, что Евка вышла замуж за моего лучшего друга и стала как бы обязательным приложением к нашим встречам – хочешь не хочешь, привыкай. Но потом время расставило все по местам, и оказалось, что ни к кому Евка не прилагается, она сама по себе. Совершенно золотая девчонка. Думал, таких не бывает.

Нам всегда было интересно вместе, как в ранней юности, когда дружба нужна для того, чтобы совместными усилиями познавать мир и хоть как-то разбираться с постоянно прибывающей информацией о нем. Ставили друг другу любимую музыку: «Как тебе Нина Хаген?» «Неужели Лори Андерсон никогда не слушала?» Бурно ссорились, обсуждая книги, и немедленно мирились, узнав о большой выставке Базелитца или Бойса – где-нибудь условно недалеко, всего в полутора тысячах километрах от нас, и надо срочно понять, как мы будем туда добираться. Евка приохотила меня к фильмам Клода Шаброля и Жака Риветта, а я нанес сокрушительный ответный удар Джармушем. Евка научила меня делать смородиновое вино, запускать воздушных змеев и кататься на роликовых коньках. Я уговорил Евку достать из шкафа заброшенную со школьных лет скрипку и сшил для нее лучший в мире пиджак, с настоящими часами на груди. То есть оставил на виду стрелки, а часовой механизм с крошечной батарейкой спрятал под подкладку, и счастливая Евка ходила по городу, звонко тикая, сверкая парчой и вельветом лоскутного циферблата, первая в мире девушка-хронометр, только сегодня, только у нас. Мы азартно резались в покер ночи напролет, отплясывали Линди Хоп на вечеринках, разрисовывали стены дружественных кафе, устраивали импровизированные уличные концерты для соседских детей и еще столько всего замечательного делали мы вместе с Евкой – не перескажешь.

Боже, какие же мы были прекрасные веселые дураки всего два года назад. Вот бы еще так пожить. Хоть когда-нибудь.

Но ничего не выйдет, потому что Евка скоро умрет. Может, завтра, может, через неделю. Счет в любом случае идет на дни, и она это знает. И Зося знает, и я.

Зося – Евкина старшая сестра, больше у них вообще никакой родни. Не знаю почему – никогда не расспрашивал. Зося молодец, забрала Евку к себе домой, на Аушрос Варту. Дома гораздо лучше, чем в больнице, здесь клетчатые пледы, цветы на подоконниках, ласковая серая кошка Брыська, сладкие кухонные запахи, колокольный звон и солнечный свет сквозь зеленые занавески, здесь человеческая жизнь кажется хорошей штукой, которая не может вот так ни с того ни с сего взять и закончиться ничем.

Мне – и то не верится.

– Что бывает после того, как все заканчивается? – настойчиво спрашивает Евка.

И я, дурак несчастный, глупый тупица, за сорок лет так и не выучившийся вдохновенно врать, бормочу: – Я не знаю.

– Витька однажды рассказывал, ты в детстве почти утонул, еле откачали, – говорит Евка.

А толку-то, – думаю я. – Все равно ничего не помню. Ни пресловутого света в конце тоннеля, ни добрых ангелов, ни покойных прабабушек, вышедших мне навстречу, ни каких-нибудь тибетских милосердных божеств. Мне же тогда пяти лет еще не было. Я даже о самом событии знаю только с маминых слов; она меня потом лет до пятнадцати на пляж не пускала. Собственно, дай ей волю, до сих пор не пускала бы, просто я научился удирать без спроса. И не только на пляж.

– Я больше никого такого не знаю, – говорит Евка. – Чтобы умер, а потом ожил. Некого больше спросить. А мне сейчас только это и важно.

Мне тоже сейчас только это и важно, – думаю я. – Хотел бы я быть наивным дураком, совершенно уверенным, будто после того, как здесь все закончится, где-нибудь что-нибудь начнется. Ослепительно прекрасное. Для Евки. Тогда не так страшно навсегда с ней расставаться.

– Золотая лестница, – говорю я.

И мысленно хватаюсь за голову. Боже, какая глупость. Что я несу. Какая, к черту, лестница. Да еще и золотая. Это же не ребенок и не старушка суеверная, а Евка. Человек с двумя гуманитарными образованиями. Кого я хочу обмануть.

– Вот, – она почти улыбается. Насколько это вообще возможно. – Так и знала, ты что-то помнишь.

– Золотая лестница спускается с неба, – говорю я. – Но не металлическая. Мягкая. Из чего-то вроде толстого каната. Но позолоченного. То есть, сплетенного из золотых волокон. Наверное. По-хорошему, надо бы поближе посмотреть.

Несу все это просто от отчаяния. Понимаю, что если уж ляпнул, надо развивать тему. И не дай бог мне сейчас остановиться, запнуться или покраснеть, потому что Евка мне верит. Поздно придумывать что-то умное. Раньше надо было. А теперь выкручивайся как можешь. Только не умолкай. Говори. Говори. Говори. – Я был еще жив, но уже не понимал, что тону. Не чувствовал, что вокруг вода. Не задыхался. Просто смотрел, как лестница спускается с неба. И так ей радовался, как вообще никогда ничему в жизни. Ничего на свете так не хотел, как ухватиться за эти золотые канаты и полезть вверх. Если бы мне тогда велели выбирать – ожить и попасть домой к маме или лезть по золотой лестнице, – у мамы не было бы ни единого шанса. Хотя она у меня хорошая. Я ее очень люблю, а в детстве вообще обожал. Но когда глядел на золотую лестницу, даже не вспомнил, что где-то есть мама. И другие люди. И какая-то жизнь. Такое счастье было – просто смотреть на золотую лестницу. И даже вообразить не могу, как здорово было бы по ней лезть! Но меня, как видишь, все равно откачали. В первые дни после этого я все время плакал. Взрослые думали, от пережитого страха, а я им ничего не объяснял. Откуда-то знал, что золотая лестница – это тайна, никому нельзя рассказывать. Потом я о ней забыл, конечно. А теперь ты спросила, и я вдруг вспомнил. Надо же.

– Ежи, дружище. Как же хорошо, – говорит Евка. – Если самому хочется по этой лестнице лезть, то наверное не страшно, да?

– Очень хочется, – твердо говорю я. – И совершенно не страшно.

– Хорошо, – повторяет Евка. – Тогда хорошо.

* * *

– Так странно, Ежинька, – говорит Зося. – Так это все странно.

Она мертвой хваткой вцепилась в мой рукав. Хотя я раз сто уже пообещал, что никуда не уйду, даже ночевать останусь, если будет нужно. Но своими руками держать, конечно, надежней, чем полагаться на слова, я понимаю.

– Так этого дня боялась, – говорит Зося. – Каждое утро думала: ну пускай еще сегодня поживет, один денек, неужели жалко? И еще один. И еще. Совершенно не понимала, как это можно – взять и отпустить человека в смерть. А не отпускать я не умею. Не знала, что буду делать, когда Евка все-таки уйдет. И вот – все, ушла. И при этом так улыбается, как будто ничего лучше смерти не может случиться с человеком. Вот правда, улыбается. Как будто там хорошо. Даже я ей поверила, представляешь?

И начинает плакать. Это вроде бы правильно. То есть гораздо лучше, чем сдерживаться, все так говорят.

– Хочешь на нее посмотреть? – спрашивает Зося. – Попрощаться.

Господи, конечно, я не хочу смотреть на мертвую Евку. Но ясно, что придется. Зосе это зачем-то надо. Глядит умоляюще, тянет меня за рукав. И хорош я буду, если стану сейчас с ней препираться.

– Смотри, Ежинька, – говорит Зося. – Она улыбается. Мне не показалось. Не обманываю себя. Правда же?

– Правда, – отвечаю я.

Но смотрю не на мертвую Евку. А вниз, туда, где на темно-вишневом ворсе старенького Зосинога ковра сверкают обрывки золотых волокон. Один, два, три – господи, да сколько же их тут.

Улица Бокшто (Bokšto g.)

Оплата по договоренности

Сразу видно, хорошая девчонка. Серьезная. Смотрит на меня так, что другой подумал бы: «Ого, я ей нравлюсь!» Но я человек опытный. Этот заинтересованный взгляд художника, изучающего особенности строения моих лестничных мышц, расположение ключиц и прочие анатомические подробности, знаю очень хорошо.

Говорю:

– Привет. Это я.

Улыбается откуда-то издалека, скорее своим мыслям, чем мне. Ничего, лишь бы улыбалась. Добрый знак.

– Диспозиция, – говорю, – такова. У нас за спиной городская филармония. Слева – улица Диджои, Ратушная площадь, фонтан и прочие бесхитростные радости городского бытия. Справа – Врата Зари, то есть улица Аушрос Варту. В начале ее стоит базилианский монастырь, в конце – знаменитая Острая Брама, а между ними образцовый туристический набор: храмы, блины, деревянные ангелы, янтарные брошки, льняные салфетки, светлое пиво и темный квас. И самое главное: прямо у нас под носом – лучший кофе в городе. Впрочем, дегустацию придется отложить до завтра, а пока просто запомни этот оранжевый ромб. Где бы он ни попался тебе на глаза, знай, что ему можно довериться. А теперь вперед. Нас ждет улица Бокшто, и это так много, что даже не знаю, успеем ли мы все захватить за один присест.

Говорю:

– Выбирай дорогу. Можем пойти по Швенто Казимеро. Это очень красивая улица. Вон та, где арка. С ней только одна проблема – поющие стены. Ну, строго говоря, это не проблема, а дополнительное удовольствие. Но ты в городе новенькая, так что, будь уверена, уж они расстараются, чтобы тебя приворожить. И наверняка добьются успеха. Заслушаешься, откажешься идти дальше, застрянешь там до утра. В принципе ничего страшного, прекрасно проведешь время. Но тогда плакала наша экскурсия. Так что смотри сама.

– А как еще можно пойти?

– Например, по улице Субачяус. Стены там тихие, мостовая смиренная, деревья заняты своими делами, на прохожих ноль внимания. Единственное что, по этой улице вечно бродят двойники наших старых друзей, останавливают, заводят разговоры, порой довольно тягостные. Но если помнить, что они просто похожи и, к тому же, всегда врут...

– Ох, нет. Лучше не надо. Слушай, а можно пройти на Бокшто по крышам? Например. Такая молодец.

– Еще как можно, – говорю я. – Давай руку.

Ладонь у нее теплая, изумрудно-зеленая – на ощупь, конечно, с виду-то рука как рука. Никогда, наверное, не избавлюсь от детской привычки ощупывать чужие цвета, да и не уверен, что надо. Это, конечно, беспардонное вторжение в личное пространство; с другой стороны, а что не вторжение? Родиться – это и есть вторгнуться в чужое пространство, да столь бесцеремонно, что все последующие поступки – уже мелочи.

– Я флюгер! Смотри! Я делаю ветер!

Вертится на скользкой черепице, размахивает руками, хохочет, и свежий весенний ветер, зеленый, как ее ладони, начинает потихоньку отряхивать пыльную июльскую листву. Говорю же, отличная девчонка.

Сразу все поняла.

Спрашиваю:

- Ну что, продолжим экскурсию? Или ну ее к черту, будешь дальше тут плясать?
- А можно еще немножко поплясать, а потом сразу экскурсию?
- Тогда пляши вон в том направлении. И думай, как мы будем отсюда слезать.
- А ты что, не знаешь?!
- Знаю, конечно. Но это же твоя прогулка. Поэтому думай. И – вперед.

Но не тут-то было. Дорогу нам преграждает кудрявая красотка в форме офицера полиции. Вот это номер. По крышам они за мной еще не бегали.

Девочка моя застывает на месте, распахнув рот, а я заранее содрогаюсь от внутреннего хохота. Но пока держу себя в руках.

– Каааакииииие люди, – протяжно говорит Таня, демонстративно положив руку на кобуру. – Какие замечательные люди без лицензии на индивидуальную работу с туристами бродят тут, пугая мирных граждан.

– А также мирных сов и мирных летучих мышей, – подхватывает Альгирдас.

Он сидит на трубе, ест мороженое и, в отличие от Тани, даже не пытается выглядеть серьезным.

– С каких это пор для прогулки со старой подружкой требуется лицензия? – ухмыляюсь я.

– Сколько минут ты знаком со своей «старой подружкой»? – строго спрашивает Таня. – Пять? Или целых десять?

– Обижаешь. Никак не меньше четверти часа. Крепкая, проверенная временем дружба. Не придирайся.

– Буду придираться, пока не получу взятку, – говорит Таня. – Я неумолима.

Ну наконец-то. Теперь я могу схватить ее в охапку и закружить – быстро, быстро, еще быстрее, еще. Я – лучшая в мире карусель, и хитрая Таня хорошо это знает.

– Хватит! – кричит она, задыхаясь от счастливого смеха. – Немедленно поставь меня на место!

Если я послушаюсь, Таня мне этого не простит.

– Эй, парень, – говорит наконец Альгирдас, – верни мне коллегу. Что я стану делать, если ты окончательно развеешь ее по ветру?

Вот его реплику игнорировать нельзя. У Альгирдаса идеальное чувство времени. Поэтому я аккуратно возвращаю Таню на землю, вернее на черепичную крышу, даю ей отдышаться и только тогда отпускаю, предварительно поцеловав в обе щеки.

– Я страшно отомщу, – обещает она. – Завтра же снова тебя поймаю, вот увидишь.

– Всегда к твоим услугам. А теперь побегу. Видишь, девочка уже на краю крыши, нельзя ей там долго одной стоять.

Она действительно стоит на самом краю и смотрит, как за рекой, с вершины Гедиминова холма медленно сползает сияющий туман.

– Как же это красиво! А у тебя что, действительно нет лицензии?

– Конечно, нет. Причем не только у меня, а вообще в природе. Просто у моих друзей множество умеренно остроумных способов дать мне понять, что они соскучились. Но бог с ними. Видишь эти ворота? Смотри внимательно, запоминай, потому что на самом деле никаких ворот тут уже давным-давно нет. Я и сам их всего пару раз видел. Считается, что увидеть Субочские ворота – добрая примета, тебе повезло. А теперь давай спускаться. Придумала как?

Слезать пришлось по пожарной лестнице. Я не раз замечал, что после встречи с полицейскими люди забывают, что умеют летать. К счастью, не навсегда.

– Ух ты, какая крепость!

– Не совсем. Это Бастейя. Или Барбакан. Она же отводная стрельница – если совсем уж по-русски. Короче, артиллерийский бастион для защиты входа в настоящую крепость, которой уже давным-давно нет, а Бастейя – вот она. Днем здесь ремонт, вся в лесах, обмотана сеткой, но стоит, ничего ей не делается. Она даже превращение в овощной склад в свое время пережила, что ей какой-то ремонт.

– Господи, в овощной склад?! Кому такое в голову пришло?

– Понятия не имею. Дело давнее. Но верю, что справедливость восторжествовала, этот умник уже превращен в патиссон и безжалостно уничтожен лютыми вегетарианцами. На них вполне можно положиться, их сердца не знают милосердия, и наша Бастейя отомщена. А мы можем спуститься в сокровищницу.

– В сокровищницу?!

– Ну да. К сожалению, у нас нет времени, чтобы осмотреть весь подземный лабиринт, соединяющий подвалы Барбакана с Тракаем. Там по прямой-то тридцать с лишним километров, но кто же под землей ходит по прямой? Однако сокровищница совсем близко. Давай руку, пошли.

Когда под ногами захлюпала вода, я, мягко говоря, удивился. Ничего себе новости. Опустил глаза и совершенно обалдел. Такого до сих пор не было.

Навстречу нам из глубины подземелья течет золотой ручей, веселый и звонкий. Времени не теряет, разливается все шире и сверкает так, словно воды его освещает как минимум дюжина солнц. Хотя откуда бы им взяться под землей.

Девочка моя стоит по щиколотку в золотой этой воде и хохочет, прижав ладони к щекам.

– Именно так и представляла себе в детстве любую «сокровищницу». То есть клад – просто сундук с монетами и камнями, как в кино, с ним все понятно. Но «сокровище» – это так много, что ни в один сундук не поместится. И оно везде сразу, течет, как река, не может остановиться. И каждый может напиться, унести в себе столько сокровища, сколько поместится, стать золотым и серебряным изнутри – навсегда. Даже не знаю, откуда я это взяла. Вроде бы в сказках ничего похожего не было.

Зачерпнув полную пригоршню, вопросительно смотрит на меня.

– Можно?

– Конечно, – улыбаюсь. – пей.

И сам наклоняюсь, чтобы сделать сладкий золотой глоток. Надо пользоваться случаем. Когда еще такая клиентка попадается. «Унести в себе столько сокровища, сколько поместится» – надо же было додуматься! С самого начала знал, что мне с ней повезло.

– Куда теперь?

– Тут такое половодье, что лучше обратно, на улицу. Тем более, ты еще василиска не видела.

– Какого василиска?!

– Который раньше сокровищницу охранял. До семнадцатого, что ли, века; впрочем, с датами я вечно путаюсь.

– Почему только до семнадцатого?

– А потом, согласно известной городской легенде, в подземелье послали какого-то хитрого каторжника. А тот вооружился зеркалом, чтобы василиск убил себя своим смертоносным взглядом.

– Как Медуза Горгона?

– Ну. Популярный сюжет. Но не знаю, как Медуза, а василиск убивает взглядом только когда сам этого захочет. Что в общем нормально. Всякое разумное существо должно иметь

возможность самостоятельно принимать столь ответственные решения. Поэтому наш василиск не стал умирать от собственного взгляда. Но с ним случилась другая неприятность. Он влюбился.

– В свое отражение?

– Ага. Он же никогда раньше не видел зеркал. В сокровищнице ни одного не оказалось, а, кроме нее, тут, сама видишь, никакой культуры быта, одни коридоры подземные. Поэтому василиск решил, что перед ним какое-то другое существо. Такое прекрасное, что хоть сейчас женись. Отобрал у каторжника зеркало и с тех пор с ним не расстается. Даже вылез из-под земли на свет, чтобы лучше видеть предмет страсти.

– До сих пор хочет жениться?

– Ну, для начала хотя бы познакомиться. Василиск, видишь ли, совершенно уверен, что зеркало – вход в дом его прекрасного двойника. И уже некоторое столетие прикидывает, как бы этой дверью воспользоваться. Надеюсь, в конце концов, у него все получится. Я за него болею. В девяностые мы с друзьями даже делали ставки – успеет наш василиск исчезнуть до конца тысячелетия, или останется с нами. Я ставил на скорый успех и продел... Вот в этом дворе он засел. Видишь, какая щель здоровенная в воротах? Это местные мальчишки нарочно расковыряли, чтобы за василиском подглядывать. Ну а мы, экскурсоводы, корыстно пользуемся плодами их детского труда.

– А можно я посмотрю?

– Конечно. Собственно, это обязательный пункт программы. Не показать гостю василиска – совсем уж бессовестная халтура. Я бы тогда сам от собственного взгляда в зеркале помер – со стыда.

– Лучше бы ты запретил. Мне же страшно! Все-таки василиск. А вдруг зыркнет?

– Не беспокойся. Ему уже триста с лишним лет не до нас.

– Ладно, рискну, – вздыхает она и припадает к щели. – Ой, он птица?

– Можно и так сказать. Но вообще-то, у василиска только голова петушиная. А тело жабы. С таким особо не полетаешь. Оно, знаешь, и к лучшему. А то завел бы привычку делать пару кругов над вечерним городом для моциона. Не очень хорошо для туристического бизнеса. Народ нынче опасливый пошел.

– А по-моему, наоборот. Толпами повалили бы! Куда теперь?

– Времени совсем мало. Но может быть, успеем хотя бы к Тони заглянуть. Его кафе совсем рядом. Пошли.

– О, – говорю. – Внимание. Интересный момент. Видишь, здесь заканчивается асфальт и начинается булыжник. На этой границе будь предельно внимательна. Не сейчас, потом. В самом начале булыжной мостовой можно найти удивительные штуки. То есть, выглядят они, как обычный мусор. Цветная стекляшка, пробитый автобусный билет, пуговица, гвоздь. Находку надо подобрать, сунуть куда-нибудь и забыть. А потом снова обнаружить, разбирая дорожную сумку, или перекладывая мелочь в новый кошелек. Но только забыть надо по-честному и найти совершенно случайно, притворство не пройдет.

– И что будет?

– Сюрприз. Какой – никто заранее не знает. Это, собственно, и есть самое интересное. Стекляшка может стать драгоценным сапфиром, билет – запиской с телефоном давно потерявшегося друга, пуговица – старинными часами-луковицей, а гвоздь – ну, например, флешкой с файлом, где записаны лучшие в мире стихи. Старые, забытые, как ни странно, твои.

– Ооо, – тихонько вздыхает она от полноты чувств.

– А теперь напrrrrра-во! Раз, два. Как в школе на физкультуре. И входим во двор.

– Ничего себе двор! Это же кусок леса.

– Ну да. Вильнюс, в отличие от большинства городов, не в чистом поле построен, а пророс сквозь лес... Внимание, тут ступеньки. Смотри под ноги, пожалуйста. А теперь налево. Это Тонино невидимое кафе.

Лучшее в городе.

– Ничего себе – «невидимое»! Вывеска на полфасада.

– Это сейчас так. А заглянешь сюда днем, поймешь, о чем я.

– То есть на самом деле никакого кафе нет?

– На самом деле еще как есть. Но обычно его не видно. Забавно, что почти все, проходя мимо, говорят: «Идеальное место для кафе. Такая веранда и вид на Ужупис за рекой. Интересно, почему его до сих пор тут не открыли?» А вот потому и не открыли, что оно уже есть. Заходи!

Распахнув дверь, вдыхаю лучшую в мире смесь ароматов: кофе, свежее испеченного хлеба, жареного мяса, апельсиновой цедры, сирени, рома, яблочного кальянного табака, только что прошедшего дождя и почему-то морского ветра – где его Тони берет, понятия не имею, а он помалкивает.

Люси встает нам навстречу: «Какие люди», Нёхиси приветственно машет в воздухе коробкой с нардами, Соус, коротко мякнув, спрыгивает с подоконника. Йошка уже дорвался до саксофона, а Карл до пианино, им пока не до нас, зато Тони выходит из-за барной стойки, и от его улыбки приглушенные лампы вспыхивают, как фейерверк.

– Я в раю? – спрашивает моя девочка, и я киваю. Она почти права.

И внезапно понимаю, что поужинать мы уже не успеем. И даже пропустить по стаканчику не получится. Чертова граница, чертова расписание поездов. Кто придумал будить живых людей в пять утра для проверки дурацких документов?! Вечно все мне портят.

Она тоже понимает, что происходит. И торопливо спрашивает:

– Слушай. У тебя там написано: «Оплата по договоренности». А ты так и не сказал сколько.

– Ай, неважно. Но если вспомнишь и захочешь заплатить, просто брось что-нибудь в речку Вильняле, с любого моста. Подойдет все что угодно: монетка, брошь, флакон с остатками духов, бусина, карандаш. Что-то не слишком ценное, но милое твоему сердцу. Чтобы было жалко – совсем чуть-чуть. Главное – не переборщить. Фамильные драгоценности, мобильный телефон и деньги на обратную дорогу оставь при себе, пожалуйста.

– Я и не думала топить в речке телефон, – смеется она.

И исчезает прежде, чем я успеваю объяснить, что на самом деле вспомнить – это и есть настоящая плата. Память о нас – единственная валюта, которую мы принимаем. Чем больше, тем лучше, мы – стяжатели и скупцы.

Ладно, ничего не поделаешь.

– Тебе надо выпить, – сочувственно говорит Тони. – Старые добрые грабли. Смешно, но, похоже, никто из нас не властен над расписанием поездов.

* * *

– Ну и как твои сны? – спрашивает Катя.

Лена пожимает плечами.

– Не помню.

Просто не хочется пока ничего рассказывать. Трудно говорить, когда тебя вот так внезапно разбудили в пять утра, а ты изнутри золотая и серебряная, звонкая, хрупкая, холодная, совсем другая. И к тому же только что побывала в раю.

– Жалко. Ну, то есть, с самого начала было ясно, что мальчик так шутит, сон по объявлению в интернете не закажешь. Но все равно жалко. Я почему-то надеялась, что тебе интересное приснится. Просто от самовнушения.

– А оно и было интересное, – неохотно говорит Лена. – И мальчик, кстати, снился. Только он вполне взрослый дяденька.

– Ну и?!

– Ну и все. Больше ничего не помню. Не вовремя разбудили.

– Ой как жалко!

– Так ты же все равно в эту ерунду не веришь.

– Ну, может, я хотела поверить, – вздыхает Катя. – Иногда очень хочется, чтобы какая-нибудь чушь вдруг взяла и оказалась правдой. И за объявлением «Экскурсии по Вильнюсу во сне, только для пассажиров поездов и автобусов, оплата по договоренности» скрывался какой-нибудь... ну ладно, понятно, что не волшебник, но хотя бы гипнотизер. А не очередной остряк из интернета, который только тем и хорош, что денег вперед не требует... Ладно, проехали.

«Свинство, конечно, такой сон зажимать, – думает Лена. – Но сил моих сейчас нет, потом расскажу. Например, за завтраком в кафе с оранжевым ромбом. Или на мосту через Вильняле. Все равно придется объяснять, почему я выбрасываю в речку любимое индийское кольцо».

Улица Видуоля (A. Vienuolio g.) Скорей всего, это была птица

Под утро проснусь от резкого крика и тихого стука в оконное стекло, шепну: «Скорее всего, это птица, спи, я посмотрю, я сейчас». Встану, задев головой подвешенный к люстре золотой елочный шар, он висит еще с прошлого Нового года, и я вечно его задеваю, от этого волосы на макушке постепенно становятся рыжими, а хмурые утренние мысли светлыми, как будто выгорели на солнце, которое сейчас, в конце ноября, кажется поэтической выдумкой. Говорите, это такая большая звезда, которую видно днем? От которой тепло и светло? Ну вы даете, рассказывайте дальше, мне нравится неукротимый полет вашей фантазии.

Накину поверх пижамы старое вельветовое пальто, ставшее на склоне лет осенним домашним халатом, добрым спутником для вылазок на балкон – в те редкие минуты, когда бесконечный ноябрьский дождь утихает настолько, что мы почти верим, будто его нет.

Сейчас как раз нет.

...Толкну невесомую стеклянную дверь, выйду в туманный предутренний мир – еще незавершенный, нераскрашенный, зыбкий, почти черно-белый. Четырехэтажный дом напротив пока выглядит трехэтажным, красный соседский крайслер кажется серым, башню Гедиминаса слева на горизонте вообще забыли нарисовать, и вместо старого каштана в центре нашего двора на Видуоля стоит тополь, но через час все будет на месте, знаю я эти штуки – как всякий раз в конце года наспех, путаясь в деталях, собирают по утрам уставшую от самой себя реальность, поэтому так поздно светает – чтобы никто не заметил несоответствий. Темно, ветрено, зябко, сыро, все не выспались, всем все равно.

Всем, кроме меня.

Потому что в этих несоответствиях – смысл, ради которого – я.

Потому что только в предутренних ноябрьских сумерках, когда ночь уже миновала, а утро никак не может начаться, в этой серой бурой сизой лиловой мокрой щели между сном и другим сном, ты назначаешь мне свидания. В другое время тебя не только не сыщешь, в тебя не поверишь толком, тебя даже не сочинишь.

Тем более, что сочинять я вообще не умею.

Я умею только стоять на балконе, кутаясь в старое пальто, молчать, глядеть и дышать – лбом, ладонями, затылком, грудью, коленями, пятками, спиной, всей кожей, всем пижамным сатином, всей резиной подошв, всем потертым вельветом пальто.

Я умею быть – здесь, рядом с тобой.

Я умею не знать, кто ты. Я умею не видеть тебя. Я умею не слышать твоих слов. Я умею не задавать тебе вопросов, потому что твое присутствие – само по себе ответ.

Я умею не умирать, когда ты меня обнимаешь. Эта наука далась мне нелегко, но оно того стоит. Наверное, стоит.

Наверняка.

И еще я умею возвращаться с наших свиданий *как ни в чем не бывало*. Это мой коронный номер, могу выступать за деньги, публика будет довольна, глаза, как полсотни долгих секунд спустя я вернусь в комнату, сниму влажное пальто, скину желтые как выдуманное солнце шлепанцы, босиком поднимусь в спальню, шепну: «Скорей всего, это была птица, спи». Лягу рядом, закрою глаза, проснусь, воскресну, перестану быть.

Конечно, не навсегда.

Улица Вингрю (Vingrių g.) Только начало

Переступив порог, сразу понял: «Эта квартира слишком велика для меня». Первого этажа – огромной кухни-гостиной с камином и маленького кабинета – одинокому человеку хватило бы с головой. Однако наличествовал еще и второй, мансардный: две спальни, очень большая светлая ванная и кладовая столь просторная, что по справедливости должна была бы достаться какой-нибудь потерявшей чувство меры моднице – под гардеробную. И балкон с роскошным видом на Старый Город, как контрольный выстрел, точнее, удар мечом, окончательно и бесповоротно разделивший сознание надвое. Та часть, которая захватила себе весь рассудок, печально думала: «Не годится», вторая же истощенно вопила: «Хочууууууу!» – как избалованный ребенок, впервые попавший в магазин игрушек.

Вся эта роскошь, впрочем, отчаянно нуждалась в ремонте, если не капитальном, то хотя бы косметическом. Стены, выкрашенные когда-то в сочный зеленый и оранжевый, выцвели до пастельных оттенков и украсились следами бесчисленных гвоздей, паркет рассохся, плинтус мужественно держался на честном слове, но явно подумывал о дезертирстве, газовая плита и сантехника функционировали вполне исправно, но вид их внушал сострадание. Потолки бережно сохранили на память следы всех дождей, прошедших в городе со времен Балтийской Антанты¹. Люстры были бы уместны разве что в коллекции небогатого и непривлекательного любителя дизайна семидесятых. Сравнительно новыми оказались только окна, но даже их установили до наступления светлой эпохи стеклопакетов. Что, конечно, поправимо – при желании. Да вообще все поправимо – кроме разве что отсутствия этого самого желания. Которому совершенно неоткуда взяться.

Подумал: «Конечно, я не стану возиться с ремонтом. Еще чего».

Подумал: «За те же деньги можно купить новехонькую квартиру в идеальном состоянии. Причем не где-нибудь на дальней окраине, а здесь же, на Вингрю, в соседнем дворе. Только, конечно, раза в три меньше. Но в моем положении это скорее дополнительное достоинство.

Подумал: «В доме, рассчитанном на большое число жильцов, мы с моим одиночеством будем выглядеть нелепо и жалко».

Подумал: «Совершенно очевидно, что эта квартира мне не подходит».

Спросил:

– А документы к продаже уже подготовлены?

Юный белобрысый риелтор энергично кивнул.

– Хоть сейчас можно подписывать.

Словно бы со стороны услышал, как какой-то жизнерадостный идиот произносит:

– Тогда не будем тянуть.

И только потом понял: боже, да это же я говорю! Но вмешиваться почему-то не стал. Иногда неудачное решение – самое лучшее. Затем и рождается человек на этой прекрасной земле, чтобы жизнь его была полна нелепостей и регулярно шла наперекосяк. Такое уж это специальное место. И думать, будто ты создан для чего-то иного – не просто гордыня, но еще и глупость.

Ну, по крайней мере, спалось в новом доме отлично. Как будто все поколения прежних жильцов бережно складывали по углам свои лучшие сновидения в надежде передать их наслед-

¹ Политический союз Эстонии, Латвии и Литвы, иначе называемый Балтийской Антантой, был создан 12 сентября 1934 года по инициативе Литвы.

никам, но не сложилось, и теперь фамильные сокровища перешли к новому хозяину вместе с дисковым телефонным аппаратом ярко-красного цвета и пыльными темными шторами, которые бывшие владельцы поленились снять перед продажей.

Из любопытства переночевал во всех помещениях по очереди, перетаскивая с места на место фuton, с горем пополам заменявший пока полноценное ложе. Покупать мебель в эту огромную квартиру было почти так же лень, как делать ремонт, но ясно, что какой-то минимум все же нужен. И для начала неплохо бы понять, какую комнату обставлять первым делом.

А может быть, и вместо всех остальных – как пойдет.

С изумлением выяснил, что везде хорошо в равной степени. От растерянности купил сразу два дивана – вниз и наверх. И большую удобную кровать в дальнюю спальню. Книжные полки, стол и кресло для кабинета. И еще обеденный стол и стулья в гостиную, хотя представления не имел, зачем они могут понадобиться. Просто выполнил безмолвное требование пространства, заполнил пустоту. Избавился от древних штор и повесил новые, цвета свежей травы, полупрозрачные, чтобы солнце светило сквозь них по утрам как неведомая зеленая звезда. Обрадованный достигнутым эффектом, побежал покупать зеленые половики, пледы и полотенца. Вышло как минимум забавно. И уютно. И чрезвычайно оптимистично – вот уж не ожидал.

Кот пришел сам. Ну, как кот – котенок. Примерно четырехмесячный – так потом сказал ветеринар. Возвращаясь домой с очередной охапкой покупок, обнаружил возле подъезда толстого, чистого, явно домашнего котенка в зеленом противоблошином ошейнике. Удивительной окраски – не белый, не рыжий, а светло-кремовый, с теплым оттенком яичного желтка, как Надин фирменный сливочный соус, хоть в миску его сажай.

Спросил:

– Эй, дружище, ты что, потерялся? В окно выскочил? Ничего, бывает.

Котенок коротко мяукнул, что, вероятно, символизировало полное согласие по всем пунктам. Важно задрав трубой слишком пушистый по контрасту с короткошерстным тельцем хвост, вошел в подъезд, а там резво рванул на последний этаж, остановился возле облупившейся белой двери и требовательно пискнул – дескать, открывай.

Впустил зверька в полной уверенности, что хозяева найдутся нынче же вечером. Достаточно обойти подъезд, и сразу обнаружатся оболтусы, неосторожно распахнувшие окно. Ну или входную дверь. Кошки – великие мастера незаметно выскакивать из квартиры, за ними глаз да глаз.

Обошел с котенком на руках весь подъезд и еще три соседних. Не обнаружив желающих забрать свое сокровище, начал понимать, что влип. Но ничего не поделаешь, вернулся домой. Покрошил в блюдце куриную грудку из супа и с изумлением наблюдал мгновенное превращение маленького трогательного комочка в опасного хищника. Зверю с таким темпераментом и аппетитом следует подавать на ужин целого индюка. Причем живьем.

Прикончив курицу, апокалиптический клыкастый монстр немедленно обрел прежний невинный облик и нежно замурлыкал. Осторожно погладил котенка одним пальцем – как будто увеличил громкость. Мурлыканье заглушило не только деликатную фортепианную музыку за стеной, но и рев забуксовавшего во дворе автомобиля.

Вздохнул и пошел в кабинет писать объявление о находке. Думал: «Распечатаю, наклею во всех соседних дворах. И может быть, имеет смысл развесить несколько экземпляров по ветеринарным клиникам? Надо бы узнать, где ближайшие. И поискать в интернете какие-нибудь специальные городские форумы о найденных и пропавших животных. Наверняка они есть. Не может не быть».

Тем временем найденное (оно же пропавшее) животное протиснулось в кабинет через неплотно закрытую дверь, забралось на колени и снова оглушительно замурлыкало. Погладил котенка – на этот раз не пальцем, а всей ладонью. Сказал:

– Не горюй, найдем твоих хозяев. Куда они от нас денутся.

Котенок перестал мурлыкать и громко, сердито мяукнул, почти тывкнул. Обхватил лапами руку, прижался к ней щекой – дескать, никуда тебя не отпущу.

И сам не уйду – еще чего.

Изумленно спросил:

– Ты что, хочешь остаться у меня?

Громогласное торжествующее мурлыканье сотрясло стены.

Совсем растерялся. Сказал:

– Но я не могу... Ну сам подумай, что я буду с тобой делать? Никогда не держал кошек. И вообще никаких зверей. Даже не знаю, как тебя правильно кормить. И чем ты можешь, не приведи боже, заболеть. – И, прекрасно осознавая нелепость попытки объясниться с неразумным зверьком, добавил: – Тебе со мной будет скучно.

Если бы котенок умел говорить, он, несомненно, сказал бы сейчас: «А это уже совсем смехотворный аргумент». Но и так было понятно.

Сказал:

– Меня зовут Марк. А тебя будут звать Соус.

Объяснил:

– Просто ты такого же цвета, как сливочный соус, который делала моя жена. Специально к рыбе, которую я жарил. Знаешь, как было вкусно?

И заплакал, зарывшись лицом в меховой загибок, пахнувший теплой шерстью, топленым молоком и еще почему-то сырой землей.

Уже на третий день казалось, что котенок, сентиментально нареченный Соусом, был всегда. Всегда ел из фаянсового блюдца с незабудками, всегда, булькая от восторга, встречал на пороге, всегда прижимался носом к оконному стеклу, наблюдая за воробьями, всегда укладывался спать рядом с Марком, крепко ухватившись лапами за его руку – от меня не убежишь! – и тархтел, как целая дивизия бархатных газонокосилок.

Теперь стало очевидно, что даже квартира заранее выбиралась с учетом Соусовых потребностей: достаточно просторная для игр и беготни, достаточно обшарпанная, чтобы не рыдать по ободраным стенам, с широкими подоконниками для дневного сна, балконом, худо-бедно заменяющим сад, и даже с двумя ванными комнатами: та, что наверху, – для человека, тесная и темная внизу – для кошачьего лотка. С этой точки зрения действительно идеальное жилище.

Кот, конечно, совершенно не способен защитить своего человека от лихих гостей и прочих бед. Однако кошачье присутствие в доме удивительным образом успокаивает человеческие нервы. Как будто рядом с котенком ты находишься под самой надежной охраной. Вроде бы, понимаешь, что это не так, а все равно работает.

Прежде, проснувшись среди ночи в пустом доме от чьих-то громких безутешных рыданий, Марк одной рукой схватился бы за сердце, пытаясь унять его бешеный стук, а другой принялся бы шарить наугад в поисках подходящего оружия. И только потом сообразил бы, что плачущее навзрыд существо вряд ли представляет собой серьезную опасность для окружающих. Но и тогда бы не успокоился. И руки, небось, тряслись бы от избытка адреналина, нащупывая в темноте провод ночника, или коробок спичек.

А теперь даже не вздрогнул. Сперва вообще не обратил внимания – мало ли, кто там плачет за стеной. Всякое бывает. Перевернулся на другой бок и приготовился спать дальше.

Соус недовольно мякнул, шлепнул мягкой лапой по затылку – дескать, чего вертишься, смиренно лежи. Это было так смешно, что проснулся окончательно. И только тогда понял, что рыдают вовсе не за стеной, а где-то совсем рядом.

Включил свет, огляделся. Вроде бы никого. Может быть, в коридоре? Или вообще внизу? Все двери нараспашку, а акустика в квартире очень хорошая, хоть и странная, как во многих старых зданиях: в одной точке слышно все, что происходит в доме, а уже в метре от нее – полная тишина, если что, не докричишься.

Подумал: «А может, мне просто мерещится? Вообще-то, сойти с ума в моем положении совершенно нормально. А вот упорно оставаться нормальным – сущее безумие с моей стороны».

Невольно ухмыльнулся собственному мрачному каламбуру. За неимением иных свидетелей спросил котенка:

– Ты тоже слышишь, что кто-то ревет? Или это моя персональная галлюцинация?

Соус зевнул, потянулся, с недовольным видом спрыгнул с постели и выскочил в коридор, а потом громко, демонстративно затопал по лестнице вниз. Плач, откуда бы он ни раздавался, незамедлительно стих. Марк немного помешкал и отправился следом за котенком. Подумал – ладно, покормлю его лишний раз, если уж подскочили. А сам, может, чаю попью.

Свет включать не понадобилось, гостиную озаряла полная луна, на удивление крупная и торжественная, как театральная люстра. Марк подивился причудливому эффекту: самый удаленный от окон угол был освещен гораздо лучше, чем остальное помещение. Но тут же понял, что дело не в луне, просто в углу появился некий дополнительный источник света. Подумал: «Я все-таки молодец, схожу понемножку с ума. Купить новый торшер, не приходя в сознание – это надо уметь. Интересно, когда успел-то? Вроде бы весь день вообще из дома не выходил. Впрочем, если я действительно псих, это мне только кажется».

Соус явно не одобрял новый предмет интерьера. Занял диспозицию на условно безопасном расстоянии от источника бледного света, выгнул спинку и шипел на противника, как самый настоящий большой кот.

Невозможно не рассмеяться.

Спросил сквозь смех:

– Ну и чего ты разошелся? Вечером тебя вроде бы все устраивало. Не скандалил.

Подошел, чтобы погладить рассерженного котенка, и только тогда понял, что в углу вовсе не торшер. А просто очень большое светящееся пятно. Оптический, так сказать, эффект. Стало быть, никаких покупок в бессознательном состоянии. Сумасшествие отменяется. Или все-таки не отменяется? Просто переписываем диагноз. Вместо «провалы в памяти» – «зрительные галлюцинации». И слуховые заодно. Потому что светящееся пятно задергалось и разразилось новой порцией рыданий. Горьких, навзрыд.

Подумал: «Господи, какая же несчастная у меня получилась галлюцинация! Экий я, оказывается, депрессивный хмырь. А думал, хорошо справляюсь».

– Вы что, видите меня? – неожиданно спросил рыдающий. Не прекращая при этом всхлипывать и даже подвывать.

От растерянности Марк заговорил преувеличено вежливо, как герой пьесы, написанной в девятнадцатом веке какой-нибудь благовоспитанной барышней:

– Из не поддающихся идентификации предметов обстановки я вижу здесь только светящееся пятно. Если это вы и есть, мой ответ следует считать положительным. Если же вы выглядите как-то иначе, то увы...

– Я не пятно, – обиженно сказал голос. – Я призрак.

Даже рыдать перестал от возмущения. Что, впрочем, к лучшему.

– Призрак? – удивился Марк. – А я думал, вы моя галлюцинация. Впрочем, одно другому совершенно не мешает.

– Ничего подобного, – буркнуло пятно. – Галлюцинация – плод больного воображения. А я объективно существую. Меня Иосифом зовут. И кот ваш на меня рычит – вот вам и доказательство.

– Ладно, – великодушно согласился Марк. – Договорились. Объективно, так объективно. Я только за. А почему вы не похожи на человека?

Спросил и тут же понял: а вот и неправда. Вполне антропоморфный силуэт, просто очень уж зыбкий и неопределенный. И лица не разглядеть. «Видимо, его черты я пока недогаллюцинировал, – подумал он. – Плохо стараюсь. Совсем ледащий псих».

Извинился:

– Простите великодушно. Вопрос снят, как некорректный. Уже вижу, что похожи.

Взял на руки Соуса, который к этому моменту явно начал выдыхаться, но продолжал шипеть из последних сил. Видимо прекратить скандал ему мешали романтические представления о воинской доблести. Но оказавшись на руках, котенок немедленно успокоился, даже шерсть на загривке больше не топорщил. Одним ужасающим хтоническим существом в доме стало меньше. Вполне можно жить.

– Звери меня всегда видят, – заметил призрак Иосиф. – Очень беспокоятся. Я им почему-то не нравлюсь. А вот люди в упор не замечают. Вы за все время первый.

Я уже давным-давно всякую надежду потерял.

– А вам нужно, чтобы вас видели?

– Просто позарез! Суть наложенного на меня проклятия, как я понимаю, в том и состоит, что я испытываю постоянное желание жаловаться и искать сочувствия у окружающих. Но при этом люди меня не видят и, как правило, даже не слышат. Повергая, тем самым, в пучину скорби и отчаяния.

– Если так, я непременно постараюсь регулярно видеть вас и впредь, – пообещал Марк. – Хотя, по правде сказать, не знаю, зависит ли это от моих намерений.

– Совершенно не зависит, – заверил его призрак. – В том смысле, что если один раз увидели, то и потом сможете. Что, полагаю, весьма досадно для вас. Зато для меня – великое благо.

– Нет, что вы, вовсе не досадно, – вежливо возразил Марк. И умолк, лихорадочно размышляя, что бы еще такого сказать.

Когда не знаешь, о чем поговорить с собственной галлюцинацией, чувствуешь себя совсем пропащим занудой, скучным старым хрычом.

Спросил наугад:

– Вы умерли в этом доме? И с тех пор являетесь его жильцам?

– Не в этом, – печально ответил призрак Иосиф. – Уже сам толком не знаю, в каком именно. Я заблудился.

– Заблудились?!

– Ну да. Люди, въехавшие в мою квартиру, не обращали на меня внимания, как я ни старался нарушить их покой. И я решил попытать счастья в соседнем доме. Потом в следующем. Как-то отважился свернуть за угол. И еще раз, и еще. Во все дома заглядывал – без толку. Далеко забрел. В монастыре у францисканцев надолго застрял. Надеялся, вот нагрешит какой-нибудь монах как следует, а потом помрет, скажем, в пост с перепоя – глядишь, будет мне приятель. Поселился в тамошней библиотеке. Я при жизни малограмотный был, даже газету прочитать толком не мог. А там пристрастился к книгам. Мертвому среди книг легко. Вроде и не читаешь, а они все равно свое нашептывают, отвлекают от тоски. Но потом мне и книги надоели, а монахи, хоть и грешили изрядно, призраками не становились, зря я на них рассчитывал. Я утратил надежду обрести собеседника и решил вернуться домой, но понял, что не знаю,

куда идти. Город так изменился! И названия улиц новые. Ничего не узнаю. А может, уже и дома моего нет, здания тоже не вечные. Так и скитаюсь с тех пор.

– Ясно, – кивнул Марк. Задремавший было котенок завозился на руках, отвлекая его от беседы, и призрак Иосиф это сразу почувствовал.

– Скорбь моя безмерна и бесконечна, – угрожающе сказал он, явно собираясь снова зарыдать.

– Вам бы сейчас выпить, – вздохнул Марк. – Но призраки, если я правильно понимаю, не могут...

– А у вас есть выпивка?

Сияющее пятно взволнованно задергалось, словно уже начало взбивать в невидимом шейкере какой-нибудь хитроумный коктейль.

– Мускатное вино и темный ром. Но как?..

– Меня можно побрызгать, – поспешно объяснил призрак Иосиф. – Ну, как бабы белье перед глажкой поливают. Набрать полный рот и – пфффффф! Я совершенно уверен, что подействует. Всегда мечтал кого-нибудь об этом попросить.

– Интересная технология, – ухмыльнулся Марк. – И, главное, угощающий тоже не в обиде. Сейчас попробуем. Так ром или вино?

– Ром, – твердо сказал призрак Иосиф. – Я пробовал ром всего дважды и мечтал о нем все эти годы. Сто двадцать семь долгих трезвых лет, исполненных одиночества и лютой тоски.

– Ужас, – содрогнулся Марк. И пошел за бутылкой.

Пока рылся в кухонном шкафу, думал: если предположить, что призрак настоящий, не дурацкая галлюцинация, значит, жизнь после смерти все-таки есть? Хотя в какой-нибудь форме, неважно сейчас, в какой. Вообще все неважно, если существует малейшая надежда еще когда-нибудь встретить Надю. Ради такой постановки вопроса стоило сойти с ума.

Несколько минут спустя Марк сидел на диване, прижимая к животу сонного Соуса, и, задрав голову к потолку, наблюдал пляску нескольких тысяч крошечных клочков сияющего тумана, на которые в экстазе рассыпался призрак Иосиф.

– Как же хорошо! – сказал тот, собравшись, наконец, в подобие целого существа. И несколько раз перекувыркнулся – видимо, от избытка чувств.

– Повторить? – предложил Марк.

– Лучше не стоит. Я, если вовремя не остановлюсь, больших бед могу натворить. Уже, собственно, натворил. Жену порешил и хахаля ее за компанию, а сам повесился – и все по пьянке, в беспамятстве. Пришел в себя – а уже мертвый. И как это вышло, едва помню. Ничего себе сюрприз! Называется с добрым утром.

– О господи, – выдохнул Марк.

– Ну а чего вы ждали? От хорошей жизни призраками не становятся, – рассудительно заметил Иосиф. – Сами подумайте, в каком состоянии надо быть, чтобы мимо собственной смерти промахнуться, не в те ворота войти... Да не переживайте вы так. Давно дело было. И ничего не исправишь.

Помолчали.

– Вы ее очень любили? – спросил Марк.

– Да не особо. Честно говоря, совсем не любил. Нас же родители поженили. Сами друг на друга и смотреть не стали бы – ни я, ни она.

К такому признанию Марк не был готов. Уставился на светящееся пятно, распахнув рот.

– Но зачем тогда было вешаться? – наконец выдавил он.

– Да черт теперь разберет. Говорю же, пьяный был. И каторги испугался. Помню, что себя жалко стало. Так жалко! Жизнь свою загубил сдуру, ни за что. Так лучше уж сразу в петлю, чтобы не мучиться дальше.

А оно вон как повернулось. Знал бы заранее, лучше бы каторгу перетерпел.
– А это очень плохо – быть мертвым? – встревожился Марк.

– Каково мертвым – не знаю. Говорю же, мимо смерти промахнулся. Но сердцем чую, зря промахнулся, там-то куда как слаще. Да вообще все слаще, чем эта моя темная, тяжелая как чугун тоска. Одно удовольствие осталось – как следует поплакать. Особенно когда кто-то слышит. Сразу легче становится. Так легко, будто и не было ничего. Просто привиделось спяну.

– Это я как раз могу понять, – сказал Марк. – Мне тоже не с кем поговорить. Разве вот с котом, да и тот у меня недавно. Всего несколько дней, я еще толком не привык. А моя история чем-то похожа на вашу.

– Тоже убили жену? – бестактно обрадовался призрак Иосиф. – И никто не догадался? Не поймали? И никакой каторги?

– Ее убил не я. А любовник. О существовании которого я, конечно, даже не подозревал. Его-то как раз поймали; собственно, сам и признался, не стал тянуть. На суде говорил, что убил из ревности, потому что она не хотела от меня уходить. Дескать, пять лет ее уговаривал, и ни в какую. Пять лет, надо же! А я, дурак, все эти годы думал, у нас все в порядке.

Представляешь?

Сам не заметил, как перешел на «ты».

– Не представляю, – сказал призрак Иосиф. – Я свою не любил, а измену сразу почуял.

– Так наверное потому и почуял, что не любил, – вздохнул Марк. – Когда любишь, не до того. Ну или это только я такой дурак. Ай, неважно. Что было – было, как есть, так и есть. Задним числом ничего не исправишь.

– Это да, – авторитетно подтвердил призрак Иосиф. – А как хорошо было бы.

Помолчали.

– Так ты не против, если я буду иногда являться? – осторожно спросил призрак. – Для меня это большое утешение – поплакать при свидетеле. А поговорить – вообще счастье.

– Да являйся на здоровье хоть каждый день. Ты для меня тоже утешение.

– Это как же такое может быть?

– Если ты есть, значит смерть – еще не конец, – объяснил Марк. – Значит, что-то еще происходит с нами потом. И Надя тоже каким-то образом есть. И я там когда-нибудь буду.

– И поквитаешься с ней? – понимающе ухмыльнулся призрак Иосиф. – Я бы на это, честно говоря, не слишком рассчитывал.

– Да не поквитаюсь, – устало вздохнул Марк. – Просто скажу: я совсем не сержусь, ты что. Человек может совершать сколько угодно ошибок, они не отменяют всего остального. Не обесценивают. Не перечеркивают. И вообще ничего не значат. Человек изначально придуман нелепым и несовершенным, следовательно, когда делает глупости, обманывает и даже предает, он поступает в соответствии со своим предназначением, то есть абсолютно правильно, нечем нам друг друга попрекать. Скажу: единственная настоящая измена – это смерть, но я не сержусь даже за это. Потому что любил тебя восемнадцать долгих лет, каждый день просыпался рядом с тобой счастливым, и вот это – точно неотменяемо. В отличие от всего остального на свете.

Помолчав, добавил:

– Впрочем, после смерти, наверное, можно вообще ничего не говорить. Потому что и так понятно. Но тогда, получается, и Наде понятно? Без дополнительных объяснений? Вот прямо сейчас, пока мы тут сидим, она уже все про меня знает. И если это не утешение, то что тогда оно.

– С причудами ты, – призрак Иосиф озадаченно покачал верхней частью сияющего пятна, которую предположительно следовало считать его головой. – При жизни я сказал бы, небось, что ты святоша и тряпка. А сейчас, знаешь, даже завидую.

– Нечему тут завидовать, – отмахнулся Марк. – По итогам-то мы с тобой примерно в одинаковом положении. Ну, разве что меня все видят и слышат. Но я при этом скрываюсь и молчу. Надо понимать, в том и состоит суть наложенного на меня проклятия. И кому легче от того, что я сам на себя его наложил? Ты, впрочем, тоже сам. В этом я совершенно уверен.

Проснулся утром на диване в гостиной, в обнимку с урчащим котом. Подумал: «Ну и сон мне приснился. Ничего себе прилег отдохнуть. Но хоть во сне выговорился. И то хлеб».

Весь день Марк делал вид, будто его совершенно устраивает это нехитрое объяснение. Но когда вечером услышал доносящиеся из гостиной рыдания, понесся вниз, ликуя, как ребенок, внезапно обнаруживший под елкой настоящего Санта-Клауса вместо переодетого отца. Приструнил зашипевшего было Соуса:

– Это наш гость. Будь с ним, пожалуйста, вежлив.

И, приветливо улыбнувшись, спросил:

– Эй, призрак Иосиф, будешь дальше плакать? А то, может, рому? А хочешь, чаем на тебя брызну?

С лимоном, например?

Рыдания немедленно прекратились.

– Честно говоря, я бы не отказался от обоих напитков, – сказал призрак. – Но если непременно надо выбирать что-то одно...

– Не надо выбирать, – успокоил его Марк. – И, кстати, если хочешь, можешь еще поплакать и пожаловаться, пока вода закипает. Не стесняйся. Я же понимаю, что тебе так легче.

С тех пор призрак Иосиф регулярно появлялся по вечерам, неназойливо мерцал в своем углу, тихонько всхлипывая и подвывая, терпеливо ждал, пока Марк спустится в гостиную, обрызгает его горячим сладким чаем, добавит несколько капель рома, и скажет: «Давай, дружище, рассказывай о своих несчастьях». Через пару недель такой прекрасной жизни призрак Иосиф с удивлением обнаружил, что жаловаться ему надоело. Каждый день одно и то же – какая скука! И неожиданно оказался интереснейшим собеседником. Жизнь в монастырской библиотеке пошла призраку на пользу, так что Марку все реже приходилось вежливо изображать заинтересованность. И все чаще он засиживался в гостиной до рассвета, заслушавшись рассказами нового приятеля. И даже немного скучал в те вечера, когда призрак Иосиф пропускал визиты, объясняя, что боится надоест. Но Марк подозревал, что в нем просто проснулось любопытство к жизни, и теперь призрак слоняется по ночному городу, пользуясь возможностью заглядывать в чужие дома. А может быть, и в места куда более интересные.

Так или иначе, но случались в их с Соусом жизни вечера без всяких гостей. Эти вечера Марк употреблял с пользой: приучал котенка к прогулкам на балконе. Вернее, приучал себя не хвататься за сердце всякий раз, когда Соус высовывает за прутья решетки любопытный нос, а за ним – и добрую часть туловища. Говорил себе: «Радость превыше безопасности, наши близкие не должны сидеть взаперти только потому, что мы за них боимся». Рассуждал искренне, на практике же пока удавался только компромисс: котенок гулял на балконе, но под строжайшим присмотром. И ровно столько, сколько выдерживали хозяйские нервы. То есть не очень долго.

В один из таких вечеров, открывая балконную дверь, Марк увидел, как светится в темноте огонек чужой сигареты. Совершенно не испугался, просто подумал: «Но как?» Тут же объяснил себе: «С крыши, видимо, слезли». Следующим закономерным вопросом было: «Но зачем?» И ответ на него вряд ли следовало придумывать самостоятельно. Лучше просто спросить. – Ой!

Голос был довольно низкий, с приятной хрипотцой, но явно женский. «Совсем хорошо, – подумал Марк. – Значит, драки точно не будет. С женщинами обычно можно договориться».

Соус, похоже, придерживался того же мнения. Перестал прижиматься к хозяйской ноге и усакал во тьму – обнюхивать незваную гостью.

– Извините меня, пожалуйста, – сказала женщина и зачем-то поспешно погасила окурок, как будто Марк был ее отцом, уже не раз требовавшим покончить с пагубной привычкой.

У незнакомки был забавный носатый профиль, обрамленный копной коротких темных волос. Когда же она повернулась анфас, в лунном свете блеснули белки глаз, огромных, как у персонажей японских мультфильмов. Все остальное скрывала темнота.

– Я не знала, что в этой квартире уже опять живут. Давно здесь не была, а окна темные, – скороговоркой объяснила она. – Никому не хотела мешать. Только покурить спокойно. Я раньше часто сюда приходила.

– Через крышу?

– Можно сказать и так.

Объяснил:

– Просто у меня свет в мансарде наверху горит. Странно, что вы не заметили.

– Заметила. Просто не знала, что это одна и та же квартира. Думала, разные. Я же внутри никогда не была.

Резонно.

Спросил:

– Так вы – соседка? А из какой квартиры? Впрочем, не хотите – не говорите. Вам дома не разрешают курить, и вы сюда лазаете через крышу? Слушайте, но это же очень опасно! Крыша крутая, а черепица скользкая, особенно после дождя. Я бы на вашем месте просто во дворе где-нибудь прятался. Лучше – в соседнем, чтобы уж точно не застукали... А знаете что? Если хотите, можете через дверь заходить. В смысле звонить, я вам открою и выпущу на балкон. Днем можете не застать, но вечерами я обычно дома. И спать ложусь очень поздно. Seriously, не стесняйтесь.

– Боже, вы такой хороший! – изумленно сказала она. – Спасибо! Только знаете, мне через крышу совсем не трудно и не опасно. Строго говоря, я не то чтобы именно через крышу... Ай, ладно! Хотите, правду скажу? Только не смейтесь! Обещаете?

– Обещаю, – твердо сказал Марк.

И сдержал слово. Потому что когда незнакомая тощая девица, внезапно застуканная на балконе, говорит: «Я сюда прилетела», – это совсем не смешно. Забавно и немножко чересчур глупо, но по-детски мило. Никакого повода хохотать.

– Конечно, вы не верите, – вздохнула она. – Но это нормально, никто бы на вашем месте не поверил. Ладно, смотрите.

Предложение «смотрите», произнесенное в почти полной темноте, звучит как издевательство. Но ворону, несколько секунд спустя вспорхнувшую на балконные перила, Марк все-таки разглядел. А что гости больше нет, до него дошло не сразу. Когда понял, отправился в тот угол, где она стояла, и тщательно ощупал стену. Вот интересно, зачем?

Ворона несколько раз каркнула, да так громко, что Соус запаниковал и спешно ретировался в комнату. Марк же остался на месте. Наградой ему стало не то чтобы феерическое, но вполне высокохудожественное зрелище: полет вороны при свете ущербной луны. Озадаченно проводил ее взглядом, пожал плечами и пошел было в гостиную утешать перепуганного котенка. Но его окликнули.

– Теперь убедились?

Девица была на месте. Торжествуя улыbnулась, наслаждаясь его растерянностью.

Сказал:

– Ну вы даете.

А как еще такое комментировать?

– Можно на «ты», – предложила она. – Я – всего лишь птица, незачем церемониться.

– Принято. Но и ты тогда не «выкай». Я – всего лишь человек. Тоже не бог весть какая цаца.

– Какой ты милый, – улыбнулась гостя. И, помявшись, спросила: – А у тебя случайно не найдется сигареты? Во дворе возле урны, как назло, ни одного бычка. А дальше я не полетела.

– У меня только самокрутки. Рисовая бумага, табак «Голден Вирджиния». И без фильтра. Девочкам такие не нравятся.

– Все равно давай. Всяко лучше, чем окурки. Ужасно неудобно быть оборотнем! У людей все стоит денег, а птицам непросто их добывать. Да и хранить потом особо негде.

– Можешь хранить у меня на балконе, – предложил Марк. – Если уж все равно сюда иногда прилетаешь. Хочешь, поставлю тут какую-нибудь коробку?

Я не стану таскать твои сбережения, честно!

– Верю, – улыбнулась гостя, затягиваясь дымом. – И сигарета у тебя отличная, зря ты ее оклеветал. Надо будет потом попробовать поклевать этот табак. Уверена, он очень вкусный. Отсыплешь щепотку?

И только тогда, слушая этот абсурдный диалог как бы со стороны, Марк наконец настоящему удивился. Называя вещи своими именами, как минимум, охренел. Но не подал виду. Регулярные чаепития с призраком, что ни говори, дисциплинируют сознание и воспитывают невозмутимость. Всем бы рекомендовал.

– Меня зовут Эсмеральда, – представилась гостя. – Я знаю, что с человеческой точки зрения это довольно вычурное имя. Да и с вороньей, честно говоря, тоже. Но для оборотня, по-моему, в самый раз.

Так что пусть будет.

– А ты так и родилась оборотнем? – с любопытством спросил Марк.

– Ну да, – кивнула она. – А как иначе?

– А кем именно – человеком или птицей?

– Я вылупилась из яйца. Но выглядела при этом как маленькая девочка. Мать переполюшилась, но я тут же превратилась в вороненка, и меня выкормили, как обычного птенца. Впрочем, все могло быть и не так, я знаю цену младенческим воспоминаниям. А расспросить некого. Я уже довольно долго живу на свете. И давным-давно отбилась от своей стаи. У оборотня нет другого выхода, ты всегда сам по себе, хочешь того, или нет.

– А не превращаться ты при этом не можешь? Ну, решить, кем больше нравится быть, и остаться в этом состоянии.

– Могу, – вздохнула Эсмеральда. – Но это, честно говоря, тяжело. Один раз я взяла волю в кулак и была вороной несколько лет подряд, не превращаясь. Жить вполне можно, но так тоскливо! И сразу вдруг никакого смысла, если ты понимаешь, что я имею в виду.

– Наверное, понимаю. А человеком оставаться пробовала?

– Дольше двух дней ни разу не продержалась.

– Тоже затосковала?

– Да нет, не успела. В человеческом облике слишком много других проблем. Сразу выясняется, что надо где-то жить. Есть человеческую еду, одеваться – это как минимум. И еще, говорят, нужны какие-то документы – этого я совсем не понимаю! И для всего требуются деньги. Столько денег нужно всего на неделю обычной человеческой жизни! Я за сто лет не наворую, даже если поселюсь на подоконнике какого-нибудь банка. А заработать их в человеческом виде – так я же ничего не умею! Разве только на ярмарке себя показывать. Но я, честно говоря, боюсь. Люди не любят, когда кто-то по-настоящему превращается. За фокус заплатят и будут довольны, а за настоящее чудо пристрелят – и привет.

– Да, действительно, – вздохнул Марк. – Я как-то не подумал. Слушай, но откуда у тебя эта одежда? Неужели можно сразу превратиться в одетого человека? Я думал, только в голого.

– Сперва так и было, – кивнула Эсмеральда. – Ужасная проблема! То есть я, конечно, не превращалась у всех на виду, так что никто на меня не глазел. Но холодно же! Ужасно холодно без перьев, даже летом – с непривычки-то.

– И как выкручивалась?

– Ну как. Воровала понемножку. Залетала в распахнутые окна. Если в комнате были люди, тут же вылетала обратно. А если пусто, искала одежду, ее иногда бросают прямо на стуле. И даже шкаф могут оставить открытым, если повезет. Пальто в клюве, конечно, не утащишь, но платье, или блузку – вполне. Собрала целый склад – я как раз тогда нашла заброшенный сарай на Антоколе, более-менее сухой и чистый. Было во что переодеться, хотя выглядела я, конечно, натуральным чучелом. Люди принимали меня за нищенку, но это даже неплохо: иногда они давали мне денег. Понемножку я скопила себе на приличную одежду и обувь. А когда научилась превращаться в ворону, не раздеваясь, дела пошли куда лучше. По крайней мере, всегда точно знаешь, как будешь выглядеть в следующий раз.

– Превращаться, не раздеваясь?! – изумился Марк. – В жизни не думал, что такое возможно.

«Как будто при этом ты думал, что превратиться в птицу, раздевшись, – обычное дело», – насмешливо сказал он себе.

– Я сама до поры до времени не подозревала. Но оказалось, это просто дело привычки. Если как следует привыкнуть носить одежду, не задумываясь, есть она на тебе или нет, приходит момент, когда просто забываешь раздеться перед превращением. Обычная рассеянность! И выяснилось, что одежда, которую носил человек, совершенно не мешает мне быть нормальной вороной. А потом я сразу превращаюсь в одетую женщину. Очень удобно! Хотя обновок, конечно, ужасно хочется, – жалобно добавила она. – Но из магазина особо не украдешь, а на открытых рынках дрянь и дешевка. Опостылело ее носить! Но такова моя жизнь – где плохо лежит, оттуда и тащу.

– Черт, – улыбнулся Марк. – Ты так это сказала, что мне сразу захотелось отвести тебя в магазин.

– Это было бы здорово, – вздохнула ворона Эсмеральда. – Я вот мимо «Зары» каждый день летаю, так чуть не плачу! Там в витринах такие платья! И брюки, и пиджаки. И летние пальто с золотым позументом, у меня еще никогда такого не было...

– Туда и пойдем, – решил Марк. – Бренд сам по себе дешевый, а сейчас еще и распродажи. Полмагазина можно вынести, не разорившись.

– Ты что, серьезно?

– Конечно, серьезно. Какой смысл попусту тебя дразнить?

– Боже мой, – сказала она, театрально заломив руки, – какой же ты хороший! Я думала, таких людей не бывает.

– Да сколько угодно, – отмахнулся Марк. – Просто «хороший» – это же не постоянное состояние человека, а вопрос настроения. У меня оно сегодня как раз подходящее. И есть все основания полагать, что завтра будет не хуже.

– Тогда я прилечу прямо завтра днем, – пообещала ворона Эсмеральда. – Пока у тебя настроение не испортилось. И скидки в «Заре» не закончились. И вместе с ними – белая полоса в моей жизни, внезапно наступившая полчаса назад.

– Может быть, это не полоса, а большое бескрайнее поле, – мечтательно сказал Марк. – До самого горизонта и еще дальше, так что за всю жизнь до конца не дойти. С виду немного похоже на ледяную пустыню, но мы с тобой взрослые люди и хорошо понимаем разницу, верно?

– О да, – с чувством кивнула она. И страстно, убежденно повторила: – Да!

Тряпки вороны Эсмеральды успешно заполнили пустоту одежного шкафа. Бутылка любимого рома призрака Иосифа перекочевала с верхней полки на кухонный стол, чтобы была

под рукой. Эти незначительные перемены порой обескураживали Марка куда больше, чем ответственный стук клюва в окно и серебристое мерцание призрака под потолком в коридоре. А порой казались столь же естественными, как кошачья миска под столом. Как будто всегда так и было. И Марк почти машинально прикидывал, что бы еще сделать для новых приятелей, как облегчить их непростую, прямо скажем, жизнь. С котенком все же гораздо легче: еда, вода, чистый лоток, почесать за ухом, не гнать, когда заберется в постель. А этих двоих поди пойми, что им надо для счастья. И сами-то небось не знают.

– Где ты ночуешь? – спросил Марк призрака Иосифа. – В смысле где проводишь дни?

– В какой-нибудь стене, – мрачно отвечал тот. – Дневной свет мне вроде бы не вредит. Но знаешь, почему-то очень неприятно становится. И сразу такая лютая тоска! Воешь и собственного голоса не слышишь, как будто и нет тебя вовсе. Словно совсем ничего уже от меня не осталось, даже проклятой навек грешной души. Один час на солнце для меня тяжелее, чем тысяча одиноких ночей. Я, сам понимаешь, не ради красного словца так говорю. Была возможность сравнить и подсчитать.

– Ничего, – утешал его Марк. – Скоро осень. А потом – зима. Световой день в этих краях совсем короткий, говорят, в четыре пополудни уже темно.

– Правильно говорят.

– Ну и отлично. Я, собственно, почему затеял этот разговор. Если хочешь, можешь поселиться в любой из моих стен. Или во всех поочередно – ну, словно у тебя много комнат. Я буду спокоен, зная, что ты рядом. И тебе не нужно каждый день заново искать убежище.

Чем не жизнь?

– То есть тебе не будет неприятно, что я всегда где-нибудь здесь? – удивился призрак Иосиф. – Я-то думал, живым не нравится, когда рядом селится призрак. Даже если они об этом не знают. А уж если знают... По-моему, это хуже, чем безродного сироту в дом взять. Одно потом на уме – как избавиться.

– Да ну, не сочиняй. Я бы, кстати, и сироту, пожалуй, взял, – улыбнулся Марк. – Много об этом думал. Но не теперь, конечно. Слишком тяжелый у меня сейчас период. Я же, строго говоря, с ума от горя сошел. Совсем свихнулся. Просто веду себя тихо, поэтому санитаров за мной пока не прислали. И не пришлют, я думаю – если уж до сегодняшнего дня продержался. Но детям рядом со мной делать нечего. Я и котенка-то брать не хотел из этих же соображений, думал, зачахнет он у меня. Слава богу, не зачах, кошки все-таки не люди, им и рядом с психами неплохо. А с тобой мы, можно сказать, два сапога пара...

– И правда свихнулся. Ничего себе пару нашел! Я же убийца, – напомнил призрак Иосиф. – Душегуб! Да еще и сам себя порешил за компанию. И все эти злодеяния совершил не по здравому расчету, а просто сдуру. Такая пропащая душа, что даже на тот свет не пустили. А ты – добрый человек, с которым случилось несчастье. Не мне чета.

– Все мы добрые люди, – усмехнулся Марк. – Особенно когда спим. Зубами к стенке. «Добрый», «злой» – все это переменные. Временные состояния. И ничего, по большому счету, не значат, в отличие от несчастий, которые, увы, случаются со всеми, без разбору. Ты, небось, при жизни тоже добрым бывал. Хотя бы иногда. В хорошем настроении. Было же такое?

– Ну... Случалось, конечно, – согласился призрак Иосиф. – Особенно если на трезвую голову развеселюсь. Тогда – да. Хоть веревки из меня вей.

Ну вот, считай, я тоже просто на трезвую голову развеселился, – заключил Марк. – Уже который день веселюсь. С кем не бывает. Так что, если хочешь, живи в моей стене. А не хочешь, не живи, дело хозяйское. Вот и весь разговор.

– Если вдруг как-нибудь решишь побыть человеком подольше, просто для разнообразия, – говорил Марк вороне Эсмеральде за очередным перекуром на балконе, – имей в виду,

что у меня есть лишняя спальня наверху. Совершенно отдельная. Эта квартира слишком велика для меня одного, я ее сдуру купил. Можно сказать, ради этого балкона. Так что в случае чего – добро пожаловать. Правда, в доме с некоторых пор завелся призрак. Но вряд ли тебя этим испугаешь.

И поспешно добавил:

– Только не думай, я не собираюсь к тебе приставать. Я не поэтому предлагаю.

Она рассмеялась.

– Ха! Да будь ты оборотнем, я бы сама к тебе с радостью пристала. Ты такой хороший! Жалко, что с человеком у меня ничего выйти не может. И с птицей, кстати, тоже. Оборотни только со своими крутят любовь, так мы устроены.

Присвистнул:

– Ничего себе!

И, обмирая от любопытства спросил: – А другие оборотни – они тут есть? – Где – «тут»? Если прямо на этом балконе, то вряд ли. А в городе – да полно! Умных только среди них маловато. Приятных – еще меньше. Но и с людьми, и с птицами у меня были бы примерно те же проблемы, это я уже поняла.

И внезапно обняла Марка крепко-крепко, как будто хотела поднять, да в последний момент передумала. Сказала:

– Это было самое великодушное предложение в моей жизни. Спасибо тебе! Я, наверное, действительно немножко у тебя поживу. Не прямо сейчас, но скоро. У меня же теперь столько платьев! А я летаю, как дура, вместо того, чтобы их носить.

Иногда, сидя на балконе с чашкой утреннего, вернее, полуденного кофе, Марк думал: «Стоит переехать в совершенно незнакомый город, и твой круг общения тут же радикально изменится к лучшему. Взять, к примеру, меня...» – на этом месте он обычно начинал смеяться вслух, не опасаясь потревожить домочадцев, благо призрак Иосиф в это время обычно дремал в стене, ворона Эсмеральда, цокая каблучками, бежала исследовать очередное кафе, прихватив несколько блестящих монеток, специально оставленных для нее на зеркале в коридоре, а котенок Соус заворуженно следил за порхающими по проводам воробьями, не обращая внимания на посторонние звуки.

Кошку Катю привел в дом Соус. Вышел на балкон один, а вернулся оттуда с подружкой, маленькой тощей кошкой полосатой помоечной масти. Марк слова сказать не успел, а котенок уже подвел гостью к своей миске и деликатно отошел в сторону. Кошка зарычала, ссутулилась, явив миру худые сиротские лопатки, и приступила к делу. Ела с такой жадностью, что Марк вздохнул и полез в холодильник за новой банкой консервов.

Наевшись, полосатая гостья деловито прошествовала к лотку, а потом свернулась клубком в одном из кресел и уснула. Надо понимать, освоилась.

– Когда люди берут в дом котиков, это вполне нормально, – строго сказал Марк Соусу. – Человек – царь вселенной и вполне может выбирать, за кем готов выносить горшок. Но когда домашние котики принимают заводить собственных котиков – это, на мой взгляд, перебор. Ты живешь в антропоцентричном мире, дружок. И некоторых гражданских прав у тебя попросту нет.

Котенок остался глух к поучениям. Влюбленно пялился на полосатую красавицу и тархтел от восторга.

– Ну уж ее-то хозяев я точно разыщу! – пообещал рассерженный Марк. И отправился в кабинет писать объявление о находке.

Но у него снова ничего не вышло.

– О, да я знаю эту кошку! – сказала ворона Эсмеральда, вернувшись домой из очередного исследовательского похода по городским кондитерским. – Хозяйка звала ее Катей. По-моему, очень трогательное имя. Она на меня, не поверишь, охотилась! Причем когда еще была котенком. Такая маленькая и такая храбрая! Я даже пугать ее не стала, просто улетела.

И другим воронам эту дурочку в обиду не давала.

– Отлично, – обрадовался Марк. – Тогда и объявления клеить не придется. Из какой она квартиры?

– Из пятой. И объявления клеить действительно не придется, ты совершенно прав. Умерла ее хозяйка. Неделю, что ли, назад. Старенькая совсем была. Кошку хотели забрать в приют, но Катя, не будь дура, рванула на крышу, и привет. Там, наверное, и отсиживалась все это время. А к тебе сама пришла?

– Соус привел. Истинный джентльмен, спаситель попавших в беду барышень. То-то она жрала как не в себя, бедняга. После недели-то на крыше!

Пригорюнился.

– На улицу я ее теперь, конечно, не выгоню. И в приют не повезу. Чего она не видела в том приюте. Ох! Чего я точно не собирался делать, так это заводить кошачью ферму. Не было у меня таких планов.

– Можно подумать, ты строил планы открыть благотворительный пансион для оборотней и проводить регулярные сеансы психотерапии для заблудших призраков, – усмехнулась ворона Эсмеральда. Крыть было нечем.

По вечерам часто пили чай впятером. Ну как – пили чай. Просто собирались все вместе в гостиной. Мелкие хищники получали по кусочку свежего мяса – вместо пирожных. Ворона Эсмеральда пила чистую воду, закусывала сухари с изюмом сырой сосиской и украдкой таскала из пачки сладкий, по ее уверениям, табак. Призрак Иосиф получал несколько капель рома, после чего окутывал комнату восхищенным туманом, или просто кувыркался под потолком – в зависимости от настроения. И только Марк заваривал себе самый настоящий чай, поэтому с его точки зрения посиделки были не «ужином» и не «вечеринкой», а именно чаепитием. С негромкой музыкой и необязательной болтовней обо всем на свете.

Именно во время такого чаепития ворона Эсмеральда спросила Марка:

– Слушай, а что ты делаешь целыми днями? И где добываешь деньги? Я у тебя уже третью неделю гощу, а так и не поняла.

Бестактный вопрос. Вернее, был бы бестактным, если бы не прозвучал из уст оборотня, которому просто ужасно интересно, как живут люди – существа, загадочные даже для того, кто умеет превращаться в одного из них.

Понятное, словом, любопытство.

Поэтому Марк был честен:

– Да почти ничего не делаю. И деньги нигде не добываю. Они у меня просто есть.

И без того огромные глазищи Эсмеральды увеличились чуть ли не втрое.

– Ты что, нашел клад? – заговорщическим шепотом спросила она.

Призрак Иосиф тут же прекратил блаженно стелиться по потолку, собрался и повис над столом. Надо понимать, про клад и ему было интересно.

Даже не хотелось их разочаровывать. Но Марк не стал врать.

– Просто давным-давно, почти двадцать лет назад мы с другом открыли маленькое дизайнерское агентство. Были молоды, ни черта не боялись, считали, что мы лучше всех в мире, работали практически на коленке, зато как проклятые, не разгибаясь. И все у нас, в конце концов, получилось. В смысле наше имя стало довольно известным, а потом мы еще и рекламой занялись, заработали кучу денег, грех жаловаться. А когда мою жену убили, я решил все бросить и уехать куда глаза глядят. Просто не мог там оставаться. И дело не только в горьких

воспоминаниях. У нас с женой все друзья были общие. И просто знакомые. Вообще всё. Такой маленький тесный мир, так называемый «свой круг», за пределы которого захочешь, а не выйдешь. И все вокруг, конечно, знали историю Надиной гибели в подробностях. И очень меня жалели – ну а как еще относиться к человеку, оказавшемуся в моем положении?

– Все жалели? Тебе можно только позавидовать, – вздохнул призрак Иосиф.

– В твоей ситуации – пожалуй. Но я-то не призрак, обреченный рассказывать о своих страданиях. От чужой жалости мне легче не делалось. И знаешь, что хуже всего? Мне стало с ними ужасно скучно. Все прекрасное как-то сразу закончилось: интересные разговоры, фантастические проекты, дерзкие идеи и веселые вечеринки. Настоящий я как бы умер для всех – одновременно с Надей. И мое место занял несчастный вдовец, да еще и попавший в предельно щекотливую ситуацию со всем этим судом над убийцей-любовником. Неудачник, растяпа, жалкое существо, которому надо сочувствовать. Понимающе вздыхать, оберегать и жалеть. Я совершенно не подхожу для такой роли, но объяснить это своим друзьям так и не смог. Ну или они не сумели понять. Впрочем, все хороши, в неудавшемся диалоге всегда виноваты обе стороны. Словом, уехать оказалось много проще. Я продал свою долю в агентстве, и это решило мои финансовые проблемы на много лет вперед. Приехал сюда почти наугад, так уж все удачно совпало – недорогая недвижимость, простое оформление документов, тихая жизнь на окраине Европы. И, самое главное, никому даже в голову не придет искать меня в Вильнюсе. Сам ни за что не додумался бы – всего полгода назад. Отличное убежище.

Призрак Иосиф печально болтался под потолком, переваривая информацию. Зато ворона Эсмеральда пришла в восторг.

– Здорово! Получается, теперь ты можешь делать все, что пожелаешь?

– Теоретически могу, – усмехнулся Марк. – На практике же я пока только пью с вами чай, кормлю котов, плюю в потолок и почти ежедневно отвечаю на панические письма бывших коллег. Ребятам без меня на первых порах очень трудно; Впрочем, я заранее понимал, что так будет. И твердо обещал им помогать, благо электронную почту никто не отменял. Честно говоря, я даже рад, что они не справляются, и приходится брать часть работы на себя. Мне же тоже непросто вот так сразу все бросить! Но со временем все постепенно встанет на места, и вот тогда...

– Что будет тогда? – нетерпеливо спросила она.

– Да сам толком не знаю. Правда, у меня есть мечта. Очень давняя. И почти несбыточная.

– Какая?

– Снова начать рисовать. Как в юности. Я тогда снимал комнату, да такую ободранную, что по сравнению с ней наша с вами гостиная – королевский дворец. Зато довольно большую, а мне только того и требовалось. Приколачивал здоровенные холсты прямо к стенам, чтобы не возиться с подрамниками, и писал, забыв обо всем на свете, иногда сутки напролет. Конечно, считал себя гением. Конечно, ошибался. Но это совершенно неважно. Как же я тогда был счастлив, знали бы вы! Впрочем, я и сам не знал. Думал, это просто нормально – чувствовать себя так. Наверное, и правда, нормально – для ангелов на небесах. А с дураками вроде меня такое случается лишь изредка и, как показывает практика, ненадолго.

– А почему бросил это дело? – спросил призрак Иосиф. – Небось, мало платили?

– Мало? Ха! Да вообще ничего! В том, собственно, и штука. Если бы просто мало, я бы не стал ничего менять. Никогда не был жадным. А так пришлось придумывать способы зарабатывать на жизнь. Ну и придумал на свою голову – то самое дизайнерское агентство. Как только дело пошло, у нас и на сон-то времени почти не осталось. По крайней мере, первые несколько лет. Да и потом работы хватало. И еще появилась Надя – совершенно новое счастье, которое захватило меня целиком. За все эти годы у меня не нашлось ни одной свободной минуты, чтобы набить на стену очередной чистый холст. Да и стены вокруг были такие, что рука не поднимется гвоздь заколотить – чистые, гладкие, дорогие до неприличия, плоды трудов лучших

интерьерных дизайнеров, черт бы их всех побрал. То есть нас... Слушайте, кажется, я начинаю понимать, почему сразу влюбился в эту квартиру. В ее ободранные стены можно вбить хоть тысячу кривых гвоздей, и рука не дрогнет. Действительно идеальное жилье для художника. Дело за малым – стать им.

– И когда ты начнешь приколачивать холсты? – деловито осведомилась ворона Эсмеральда.

– Понятия не имею, – честно сказал Марк. – Может быть, вообще никогда. Сперва надо этого захотеть.

– Но ты же хочешь!

– Нет, дружище, – вздохнул он. – Пока я только хочу захотеть. Это разные вещи.

И, увидев, как разочарованно вытягивается ее лицо, добавил:

– Зато захотеть я хочу очень сильно. Потому что навсегда перестать быть художником – все равно что для вашего брата оборотня больше не превращаться. Помнишь, ты говорила: жить вполне можно, но никакого смысла. А я сказал, что прекрасно тебя понимаю.

Ну вот!

– Тогда хорошо, – улыбнулась ворона Эсмеральда. И призрак Иосиф эхом повторил из-под потолка, символизирующего небеса: – Тогда хорошо.

Саламандра Соня завелась в камине самостоятельно. Во всяком случае, Марк был совершенно уверен, что не строил хитроумных зеркальных ловушек, и ни одного завалящего заклинания ни разу в жизни не прочитал. Даже в шутку.

А возможно, Соня вовсе не «завелась», а была всегда, просто обнаружила свое присутствие только осенью, когда Марк впервые растопил камин. Домочадцы благоговейно наблюдали за его стараниями, сопереживая, но не вмешиваясь, а потом расселись у огня полукругом – толстый кот цвета сливочного соуса, маленькая полосатая кошка, деликатно мерцающий в полумраке призрак Иосиф и долговязая девица-оборотень, одетая по нескольким последним модам сразу, а потому больше всего похожая на декоративную капусту, выращенную, к тому же, инопланетянами-авангардистами.

– Слушайте, – сказал Марк, – это только мне кажется, что в огне скачет какая-то ящерица? Или вы тоже ее видите?

Кошка Катя тихонько зарычала – так она реагировала на все живое, кроме домашних, и укротить ее воинственный нрав не смогла даже счастливая сытая жизнь. Соус же восхищенно замурлыкал, уставившись на огонь – тоже типичная для него реакция. Причем абсолютно на все.

– Вижу, – откликнулась ворона Эсмеральда. – А почему ты спрашиваешь? Что с ней не так?

– Не «какая-то ящерица», а саламандра, – укоризненно сказал призрак Иосиф.

Он явно хотел добавить, что стыдно не знать элементарных вещей, но все-таки сдержался.

– Саламандра? – спросил потрясенный Марк. – Как у алхимиков?

– Саламандры существуют сами по себе и никаким образом не зависят от алхимиков, – принялся занудствовать призрак Иосиф. – Впрочем, следует признать, что именно алхимическим рукописям мы обязаны теми скудными знаниями о природе этих удивительных существ, которыми на сегодняшний день располагаем.

А несколько секунд спустя, совсем другим тоном добавил:

– Эта саламандра просит передать, что ее зовут Соня и ей здесь нравится.

– То есть ты можешь с ней разговаривать?

– Я ее слышу. Все-таки в моем призрачном положении есть некоторые преимущества. А она, похоже, слышит меня. Как жаль, что мы не встретились раньше!

– Тогда узнай, пожалуйста, что ей нужно для счастья. В смысле как за ней ухаживать. Чем кормить? – спросил Марк, уже успевший смириться с внезапным увеличением числа домашних питомцев.

– Не нужно ее кормить, – сказал призрак Иосиф. – И ухаживать не нужно. Соня говорит: «Просто почаще разжигай огонь в камине, чтобы я могла погреться и поплясать».

– Да хоть каждый день, – пообещал Марк. – Я и так собирался. Зачем нужен камин, если его не топить?

Он-то как раз пытался припомнить, где вычитал, будто саламандры питаются золотыми кольцами, прикидывал, на сколько порций хватит его сбережений, и был чрезвычайно рад, что так легко отделался.

Призрак Мария пришла в Сочельник, в полном соответствии с традицией жалостливых рождественских историй.

Накануне Марк делал праздничные покупки: индюшати́на для кошек, темный ром для призрака Иосифа, пряники и табак для вороны Эсмеральды, сандаловая кора для саламандры Сони, красное вино и пряности для глинтвейна – себе. И еще мандарины – для всех, чтобы были и пахли, озаряли оранжевыми боками декабрьскую тьму, придавая звонкий веселый смысл каждой минуте, всякому простому делу, любому слову, прозвучавшему за столом. Думал, шагая из лавки в лавку: «Сказал бы мне кто год назад, что я буду встречать следующее Рождество в компании толстого кота, тощей кошки, вороны-оборотня и призрака убийцы, да еще и с саламандрой в камине – для полного счастья. Впрочем, куда удивительней этого списка выглядит тот факт, что мне очень нравится моя жизнь. Еще немного, и я, пожалуй, буду готов признать, что почти счастлив. Вот это – да, интересная новость».

А уже на следующий вечер список домочадцев претерпел существенные изменения. Призраков стало двое.

Призрака Марию Марк встретил в коридоре. Зыбкий силуэт ее дрожал от смущения и страха. Призрак Иосиф совершал вокруг гостьи утешительные виражи и сиял на радостях, как рождественская елка, которую единодушно решили не наряжать, дабы не вводить в искушение малых сих. То бишь Соуса и Катю.

– Это Мария, – объяснил он. – Я ее пригласил. Прости, что не посоветовался, просто не успел. Ей шестнадцать лет, и она очень несчастна. Я тебе уже говорил, от хорошей жизни призраками не становятся. Бедная девочка!

Марк мгновенно оценил обстановку.

– Здравствуй, деточка, – сказал он, стараясь, чтобы голос его звучал максимально приветливо. – Слушай внимательно, я расскажу тебе, как обстоят наши дела. Призраков в этом доме любят и совершенно не боятся, на этот счет можешь быть спокойна. Плакать, стонать, жаловаться на жизнь, завывать под потолком, прятаться в стенах и неожиданно являться в темном коридоре совершенно не возбраняется. Единственное условие – не пугать полосатую кошку, она у нас барышня нервная. Толстого кота пугать можно, только вряд ли у тебя получится, он вообще ни черта не боится. Чтобы отметить знакомство, могу побрызгать тебя чаем, или мандариновым соком. Или глинтвейном – после того, как его сварю. Твой выбор?

– А может быть, у вас есть кока-кола? – дрожащим голосом спросила призрак Мария.

Пришлось идти в магазин. Благо до круглосуточной «Максимы» всего десять минут быстрым шагом. В горку да по морозцу. Марк и бровью не повел.

Благодаря призраку Марии Сочельник прошел под горькие стоны и жалобные причитания. Марк, правда, так толком и не разобрал, в чем заключается причина страданий юной покойницы. Понял лишь, что она любит какого-то мальчика – не то Кястаса, не то Мишу.

Или обоих сразу. Или, напротив, не любит, зато с такой страстью, что ее неприязнь почти тождественна любви.

Расспрашивать не стал – во-первых, из чувства такта. Ясно же, что девочка еще не освоилась в своем новом причудливом статусе. Да и просто стесняется чужих. А во-вторых, насколько Марк успел изучить загробные нравы, можно было не сомневаться, что рано или поздно ему придется выслушать историю Марии во всех подробностях. Раз пять, если не все двести, хочет он того или нет. А до тех пор следует позаботиться, чтобы Мария была не слишком несчастна – насколько это вообще возможно в ее положении.

– Еще кока-колы? – спрашивал он. – Только скажи, и я каааааак дуну! А может быть, раскрошить на тебя шоколадную конфету? Иосиф, ты уверен, что это бесполезно? Призраки не едят твердую пищу, как ее ни кроши? Понял, не буду зря мусорить. Но тогда можно, к примеру, сварить какао... Нет? Ладно. А может быть хочешь послушать музыку? Ты какую любишь? Заказывай, не стесняйся.

На этом месте призрак Мария наконец прекратила рыдать.

– А Джастина Бибера можно? – робко спросила она.

– Наверняка, – заверил ее Марк. – Правда, я понятия не имею, что это за «Just-in-bi-bi» такое. Но мое невежество делу не помеха, пока в этом доме есть вайфай.

Прихватил с собой кружку глинтвейна и отправился в кабинет качать неведомое «джастин-би-би» из интернета. Хвала поисковым системам, обученным исправлять наши роковые ошибки – по крайней мере, грамматические.

– Такая несчастная малышка, – сказал призрак Иосиф, проскользнувший за ним в кабинет. – Думал, я самый горемычный призрак на этом берегу Нерис, и нет на свете истории печальней моей. А оказалось, есть! Я-то душегуб и злодей, понятно, за что пострадал. А она, невинная душа, просто сдуру...

И разрыдался – громко, с подвываниями, совсем как в первые дни их знакомства. С одной только разницей: сейчас призрак Иосиф плакал не о себе. А о совершенно посторонней мертвой девице.

«Интересные дела», – подумал Марк. Но вслух комментировать, конечно, не стал. Только спросил, дождавшись, пока тот успокоится:

– Так что с ней случилось-то? Я так ничего и не понял.

– Да что там понимать, – проворчал призрак Иосиф. – Запуталась в кавалерах, в школе единиц нахватала, рассорилась со всеми, включая родную мать, и решила умереть, чтобы злые, черствые люди рыдали на похоронах, сожалея о своем поведении. Наглоталась таблеток – всех подряд, какие в доме нашла. Но старалась не переусердствовать, чтобы в последний момент нашли и откачали, я так понимаю. Однако не вышло. То ли аллергия у нее на эти таблетки оказалась, то ли просто сердечко слабее, чем у прочих, да и мать домой только под утро вернулась, чего за ней прежде никогда не водилось. Трагическое стечение обстоятельств – вот как это называется. А девочка наша, как дошло до дела, обнаружила, что хочет жить дальше. Помириться со всеми, пересдать экзамены, пойти на дискотеку в новой кофточке, подцепить там очередного кавалера, лучше прежних. Но от этого вышло только хуже. Воскреснуть не воскресла, а просто промахнулась мимо собственной смерти, как и я грешный. И осталась тут, среди живых людей, которые ее не видят и не слышат. Вторую неделю так живет, не привыкла еще. Да можно ли к такому привыкнуть?

– Господи, какой ужас! – искренне сказал Марк. – Все что угодно лучше такого исхода. Или почти все. Не знаю, не важно. Бедный глупый ребенок. Будь я ангелом смерти, воскресил бы ее на месте, всем служебным инструкциям вопреки. Но я, увы, не он.

– Ей еще повезло, что со мной встретилась, – заметил Иосиф. – В этом городе осталось совсем мало призраков, и я, наверное, единственный из них в своем уме. Ну, более-менее.

В последнее время. Я, конечно, плохая компания для юной девицы, но – уж какая есть. По сравнению с обычным одиночеством призрака даже душегуб вроде меня в качестве приятеля – благо.

– Ты-то? Да ты для нее просто счастливый билет. – Значит, можно ей с нами остаться? Ты не против?

– Ай, призраком больше, призраком меньше, – Марк легкомысленно махнул рукой. – Будем считать, что я собираю коллекцию. Конечно пусть остается. Присмотришь за ней?

– Куда я денусь, – вздохнул призрак Иосиф. И, помолчав, вдруг признался: – Все мужчины хотят сыновей, а я, пока был живой, мечтал о дочке. Я бы ее баловал и не обижал, и голос не повысил бы никогда, даже спьяну, точно знаю. Но жена все никак не рожала. Оно, собственно, к лучшему – если принять во внимание, чем закончилась наша супружеская жизнь. Сирот по себе не оставили, и на том спасибо... Я это к тому говорю, чтобы ты был спокоен: конечно я присмотрю за девчонкой. Мне можно доверять.

– Да я и не сомневаюсь. Ладно, раз так, все мои стены в ее распоряжении. Захочет завывать по ночам, скажи, пусть не стесняется, мы с Эсмеральдой спим крепко, а кошки в этом доме ко всему привычные. А теперь пошли поставим ей это дурацкое «би-би». Пусть слушает на здоровье хоть до утра. Все-таки праздник.

Зиму ворона Эсмеральда провела в доме, наслаждаясь недоступным ей прежде комфортом теплого жилья. Птичий облик принимала только во время оттепелей, да и то ненадолго – сделает пару кругов над двором, и домой. Как-то незаметно пристрастилась к шитью, точнее, к переделке надоевших нарядов. Кромсала их на лоскуты, затем сшивала заново нечто совершенно новое: юбку из трех пар штанов, платье из двух блузок, еще одно из футболок и шарфов, пальто из куртки, джинсов и кружевного сарафана, шаль из обрезков всего вышеперечисленного. Марк сперва посмеивался над ее рукоделием, но внимательно рассмотрев результаты трудов, внезапно понял, что в его доме завелся талантливый кутюрье, дерзкий авангардист с безупречным чувством стиля.

Неожиданное раскрытие чужого таланта всегда казалось Марку подлинным чудом, становясь свидетелем подобного события, он трепетал от восторга и благодарности к неведомым высшим силам – что так распрекрасно все устроили, да еще и дали ему на это посмотреть. Вот и сейчас впал в состояние неконтролируемой любви ко всему сущему и закатил вечеринку с шампанским. «За тебя, Эсмеральда! – Что случилось? Ты решил, что у меня день рождения? – Ничего не случилось, но день рождения – это прекрасная идея. Поэтому – за тебя!»

Призраки Иосиф и Мария, обрызганные шипучим вином чуть более щедро, чем следует, вылетели во двор и с гиканьем носились вокруг уличных фонарей, Соус и Катя наблюдали за ними через оконное стекло, распахнув от удивления розовые пасти, а саламандра Соня плясала в камине, да так, что огонь горел еще целых два часа после того, как закончились припасенные на зиму дрова. И наступила весна.

Весной ворона Эсмеральда исчезла на пару недель. Марк не беспокоился. Понимал: истосковалась по птичьей жизни, вот и пустилась во все тяжкие. Но все равно чуть не завопил от радости, увидев блуждающий огонек сигареты в дальнем углу балкона. Выскочил к ней, забыв накинуть пальто. Объяснил:

– Соскучился.

– Я тоже, – сказала Эсмеральда. Но не улыбнулась, а озабоченно нахмурилась. – Слушай, я должна тебе кое-что рассказать. – И поспешно добавила: – Только обещай, что не будешь смеяться!

– Когда это я над тобой смеялся?

– И верно, – согласилась она. – Но сейчас у тебя все шансы. Понимаешь, я влюбилась.

– Не вижу ничего смешного, – сказал Марк. – Дело житейское. К добру ли, к худу ли, но случается почти со всеми. И сразу становится не до шуток.

– Не так мрачно! – внезапно рассмеялась ворона Эсмеральда. – То есть совсем не мрачно. Я очень счастливо влюбилась, не о чем горевать. Хотя проблем, конечно, полно. Но все они – как бы это сказать? – технические.

– А, ну да, – сообразил Марк. – Он же тоже оборотень. Ты говорила, у вас только между своими романы бывают, да?

– Вот именно. Но оборотень – это как раз прекрасно. Гораздо хуже, что он – не ворона. И вообще не птица.

– Ого! А кто же?

– Нннну... – Эсмеральда почему-то замялась. – Он... Он, понимаешь, немножечко волк. Вот на этом месте Марк все-таки рассмеялся.

– Ну я же просила!

– Я не над тобой смеюсь. А над формулировкой. Как, ну как можно быть «немножечко волком»? В этом смысле жизнь очень просто устроена: или ты волк, или нет.

– И совсем не просто! Линас – влчак.

– Ктоoooo?

– Влчак. Порода такая, помесь волка и немецкой овчарки. Чехи вывели. Линаса оттуда и привезли, еще щенком. Кучу денег заплатили! А потом он вырос и удрал от хозяев. Не из-за меня, не думай. Дело давно было, лет пять, что ли, назад. Просто нормальному оборотню трудно хозяйской собакой быть. Ну вот ты бы смог?

– Не знаю, – растерянно сказал Марк. – Как-то не думал об этом.

– Тогда поверь на слово: невозможно оборотню ужиться с людьми, которые уверены, что он просто славный пес. А открыться им он не решился. Я думаю, правильно сделал. Людям нельзя доверять.

– Но ты же мне доверилась.

– Только потому, что могла в любой момент улететь, – улыбнулась Эсмеральда. – Мы же на балконе разговаривали, как сейчас. А в доме, при закрытых дверях, ни за что бы не решилась. Это же только потом выяснилось, что ты такой хороший. Заранее-то не угадаешь.

– Тоже верно. И как он с тех пор живет, твой приятель? Где?

– В лесу, конечно. Волку там самое место, даже если он – влчак. Линас очень умный и осторожный, людям на глаза не показывается, так что до сих пор обходилось без неприятностей. Но в человека он очень редко превращался. Только летом – холодно же! И совсем ненадолго, для разминки, так сказать. Потому что совершенно непонятно, что человеку голышом в лесу делать. Поговорить все равно не с кем, а все остальное в волчьей шкуре гораздо лучше выходит... Но теперь ему придется учиться быть настоящим человеком. Да поскорее! Потому что пока он зверь, а я птица, ничего у нас не получится. А мы очень хотим, чтобы получилось. Оба.

– Обычно этого достаточно, – сказал Марк.

– Наверное. Но не в нашем случае. Без тебя ничего не выйдет. Я долго думала. Не хотела усложнять тебе жизнь. Но так ничего и не придумала. Нам с Линасом даже встречаться больше нигде. В лесу все-таки слишком холодно. Разве что летом...

– Зачем в лесу? – улыбнулся Марк. – У тебя есть своя комната наверху, и я никогда не запрещал тебе приводить гостей.

– Ты потрясающий, – восхищенно вздохнула ворона Эсмеральда. – Можно я тогда за ним схожу?

– Конечно. Когда вас ждать? Утром?

– Через пять минут, – смущенно прошептала она. – Я сразу подумала, что ты вряд ли нас прогонишь. Поэтому Линас еще ночью пришел, по темноте.

И теперь прячется во дворе, в подвале.

– Тем лучше, – сказал Марк. – Иди за своим красавцем, чего тянуть.

«За красавцем» – это он как в воду глядел. Потому что когда на пороге появился поджарый волк с шерстью цвета декабрьского дождя и задорно улыбающейся пастью, Марк едва на ногах устоял от такой красоты. Эсмеральду можно было понять. Сам бы влюбился, честное слово. Если бы, конечно, тоже был оборотнем. Или хотя бы сукой соответствующей породы.

Но вслух восхищаться не стал, чтобы не смущать гостя. Сказал только:

– Заходи, пожалуйста. И учти, в этом доме живут кошки. Обижать их нельзя ни в коем случае.

Влчак Линас укоризненно покачал серебристой головой – дескать, за кого вы меня принимаете. А ворона Эсмеральда поспешно сказала:

– Я ему сразу рассказала про Соуса и Катю, ты что! А Линас сказал, что в жизни еще ни одной кошки не обидел. И странно было бы начинать именно сейчас.

– Вот и хорошо, – кивнул Марк. – Извини, Линас. Это не от недоверия к тебе лично. Просто кошки есть кошки. Они маленькие и беспомощные. Я должен их защищать.

Маленькая, условно беспомощная кошка Катя тем временем заняла позицию на самом высоком кухонном шкафу, и шипела оттуда так, что если бы звуком можно было убить, все присутствующие уже присоединились бы к компании домашних призраков.

Кот Соус, в отличие от Кати, не выказывал никаких признаков недовольства. А напротив, нацелился поиграть с роскошным хвостом Линаса. И даже успел пару раз цапнуть его лапой – для разогрева.

– Это же наш гость, – укоризненно сказал им Марк. – Как не стыдно задираться?

Соус тут же оставил хвост в покое и с независимым видом отправился к холодильнику, всем своим видом вымогая взятку за хорошее поведение. Катя не то чтобы прекратила шипеть, но приглушила звук. Зная Катин тяжелый нрав и консервативные привычки, Марк не сомневался, что умолкнет она только ближе к ночи, спрыгнет со шкафа где-нибудь под утро, перестанет всякий раз забираться туда при виде Линаса дня через три, а обнюхиваться с гостем начнет еще через пару недель. Зато потом Катя признает его своим, и вопрос будет закрыт – навсегда.

Пошли курить на балкон. Марк напряженно обдумывал, что может понадобиться гостю в первую очередь. Собаки у него никогда не было, зато некоторый опыт обращения с оборотнями уже имелся.

И то хлеб.

– Так, – говорил он вороне Эсмеральде, – в холодильнике у нас только человеческая еда. Я имею в виду, никакого сырого мяса. Сходить в магазин?

– Ничего, так даже лучше. Пообедаем супом. Линасу надо привыкать.

– Ладно. Теперь что? Теперь одежда. Он какого роста? Я имею в виду, когда становится человеком. Мои вещи подойдут?

– Нууу, более-менее, – с сомнением протянула она. И тут же оживилась: – Так я же могу перешить!

– Отлично, тогда выбери что-нибудь сама. Только серый кашемировый свитер не трогай и джинсы ливайс. И черные брюки, которые с заглаженными складками. И все рубашки с вешалки. С ними я расстаться пока не готов. Сложенные стопкой – пожалуйста. И все остальное тоже.

Влчак Линас слушал их, смущенно улыбаясь. Ему явно было неловко причинять столько хлопот и одновременно чертовски приятно чувствовать себя объектом их общей заботы.

– Спасибо, – сказала Эсмеральда. – Слушай, а ничего, если Линас не сразу придет с тобой знакомиться? Я имею в виду, в человеческом виде. Потому что ему же надо освоиться. Принять человеческий облик для любого из нас дело пустяковое. А вот все остальное! Говорить вслух, носить одежду, даже просто двигаться... Я имею в виду не ходьбу, а жесты. Их же очень много, и каждый не просто так, что-нибудь да означает. Мне было гораздо проще, я городская птица, с детства за людьми наблюдаю, и память у меня цепкая. А у Линаса весь опыт – несколько месяцев жизни с людьми, которые его купили. Не беда, я ему помогу. Все получится. Но просто не сразу.

– Конечно, – кивнул Марк. – Не нужно спешить.

Тем более, мы с Линасом уже распрекрасно познакомились. И какая разница, как он при этом выглядел? Будем считать, просто пальто не снял. А теперь я, с вашего позволения, запрусь в кабинете и стану отвечать на очередное паническое письмо из прошлой жизни. Мешать вам не буду, делайте, что хотите.

И, повернувшись к Эсмеральде, строго добавил:

– Только одно условие. Пока Линас – волк... ну, то есть влчак – это твоя собака. И заботы соответственно твои. Кормить, гулять, одного надолго не оставлять, и так далее. Ясно? Потому что я просто не справлюсь. Очень много дел.

– Например холсты набивать на стены? – восхищенно спросила ворона Эсмеральда.

– Нет, дружище. Пока еще нет. Но в ближайшие дни я планировал, как минимум, выяснить, где они продаются.

Влчак Линас осваивал азы человеческого бытия довольно долго. Недели две его было не видно и не слышно, по крайней мере, внизу. Марк тактично перебрался в кабинет, чтобы не мешать влюбленным оборотням, и поднимался в мансарду только переодеться. Но в эти моменты дверь дальней спальни всегда была заперта, и никаких звуков оттуда не раздавалось. Несколько раз парочка выходила на прогулку – все чин чином, ворона Эсмеральда в ярком весеннем пальто собственного производства, влчак Линас в новеньком ошейнике, на элегантном длинном поводке; впрочем, его улыбка становилась день ото дня все более лукавой, парень явно делал успехи и предвкушал грядущий фурор.

И он его произвел. Потому что невысокий кареглазый блондин, в один прекрасный день спустившийся в гостиную, был похож скорее на какого-нибудь преуспевающего юриста, чем на лесного оборотня. Костюм в мелкую полоску сидел на нем лучше, чем на самом Марке, посадка головы выдавала врожденное достоинство, а говорил он с мягким, приятным и совершенно неопределимым акцентом, каким часто грешат полиглоты, невольно смешивающие воедино фонетические особенности всех изученных языков сразу. И только улыбка осталась прежней – на поллица. И по-прежнему наделяла своего владельца совершенно убийственным обаянием.

– Я вам бесконечно благодарен, – сказал Марку влчак Линас. – И впервые в жизни серьезно сожалею, что оборотни – не такие уж чудесные существа, как принято думать. Кроме как превращаться в людей, ничего путного не умеем. А я бы так хотел сделать для вас что-нибудь по-настоящему значительное!

– Вы уже сделали, – заверил его Марк. – Одним своим появлением. В детстве я прочитал много волшебных сказок, и все они были снабжены иллюстрациями, которые меня не устраивали – я даже рисовать учиться начал только затем, чтобы переделать эти картинки. А потом вырос, забыл, ради чего все затевалось... И вдруг появляетесь вы – самая совершенная из иллюстраций, да еще живая. Мне с вами сказочно повезло.

– Тем не менее, я вполне понимаю, сколь непросто живет хозяину дома, внезапно заполучившему незваного жильца.

– И в связи с этим великодушно готовы в любой момент вернуться в лес? – улыбнулся Марк. – Не пойдет. Эсмеральда вряд ли вас отпустит. И лично я этому только рад. С самого начала считал, что эта квартира слишком велика для меня. Думал, затоскую. А с гостями здесь вполне можно жить.

Май выдался теплым, так что камин топили только ради саламандры Сони, да и то одним символическим поленом. Ей, впрочем, хватало.

Марк купил маленький стол и плетеные кресла для балкона, ворона Эсмеральда сшила лоскутный тент, да такой яркий, что видно его было аж с Гедиминова холма – Марк специально залезал туда проверять. Влчак Линас, ко всеобщему удивлению, развел цветы, и под его приглядом они, не дожидаясь лета, разрослись, превратив балкон в миниатюрную модель непроходимых джунглей. Соус и Катя были в восторге, призраки, прежде прятавшиеся от солнца в стенах, оборудовали себе укрытия в цветочных горшках, и от такой жизни даже печальный призрак Мария понемногу выучилась улыбаться, а призрак Иосиф по секрету признался Марку, что испытывает порой странные ощущения, подозрительно похожие на счастье, которое и при жизни-то приходило к нему всего несколько раз – в детстве.

– Но этого не может быть, – растерянно добавил он. – Я же злодей и душегуб, пропащая душа, обреченная на вечные муки.

– Не говори ерунду, – отмахнулся Марк. – Вечных мук не бывает. Временные – о да, сколько угодно, с праздника жизни никто не уходит без такого подарка... Слушай, а может быть, отведенная тебе порция мук просто закончилась? А ты сперва не заметил. Могу тебя понять.

Теперь по вечерам часто собирались на балконе и не расходились до глубокой ночи. Окруженный кошками, оборотнями и призраками Марк пил чай, азартно брызгал Иосифа и Марию легким грушевым сидром, делился сигаретами с вороной Эсмеральдой, подкладывал котлеты в тарелку влчака Линаса, чей воистину волчий аппетит вечно страдал от излишней застенчивости хозяина. Саламандра Соня, вполне умиротворенная очередным вечерним поленом, в это время уже сладко дремала, закопавшись в угли, и искры ее сновидений разлетались по всем углам дома, недолговечные, холодные и веселые, как бенгальские огни.

«Если все это просто затянувшаяся галлюцинация, и мое бесчувственное тело лежит сейчас на больничной койке, окруженное врачами, остается просить лишь об одном: пусть они никогда не найдут нужное лекарство, – думал иногда Марк. И успокаивал себя: – Для такой галлюцинации я недостаточно гениален. Так что все правда, без вариантов. Это теперь и есть моя жизнь».

Думал: «Возможно, на небесах существует обычай нанимать на черную ангельскую работу невинноубиенных неверных жен? Думаю, из них получаются отличные ангелы, милосердные, сострадательные и неутомимые. А по выходным моя Надя, лежа на толстой груде слоистых облаков, придумывает для меня новую жизнь – достаточно фантастическую, чтобы быть счастливой, достаточно размеренную, чтобы оставить разуму шанс уцелеть».

Думал: «Это, конечно, совсем полная ерунда, наивный лепет раздавленного горем рассудка. Но я – полновластный хозяин в своей голове, сам могу решать, что станет для меня правдой. И – в сравнительно здравом уме, в условно трезвой памяти – выбираю верить в полную ерунду. Просто потому что с такой верой вполне можно жить».

Думал: «Не прибедайся. Не «вполне», а очень даже распрекрасно можно жить. Чем ты, друг мой, и занимаешься вот уже почти год. Зачем притворяться?»

В одну из таких душистых майских ночей на балконе появился очередной гость. Не пришел, не прилетел, не вскарабкался снизу, цепляясь за балконные прутья и оконные решетки, не слез с крыши, а именно появился. Только что не было, и вот, пожалуйста, есть.

То есть сперва это была гостья, высокая, как баскетболистка женщина с молодым лицом и длинными седыми волосами. Но уже секунду спустя превратилась в мужчину средних лет, среднего роста и средней же комплекции. Из него получился бы идеальный шпион – не просто без особых примет, но даже без единой мало-мальски запоминающейся черты.

– Ой, – сказал он. – Кажется, я кому-то не тому приснилась. Простите великодушно. Я и сам растерян.

То есть растеряна. Сама. Такое со мной впервые.

– Приснились? – удивился Марк. – Но мы, вроде бы, еще не спим. Я точно бодрствую. И Соус с Катей вон как носятся. Линас, Эсмеральда, а вы?

– Мне вообще никогда люди не снятся, – хором сказали оборотни и сами рассмеялись такому единодушию.

– Ну вот. А призраки спят только днем, – заключил Марк. – Если, конечно, это их состояние можно считать полноценным сном, в чем я, честно говоря, сомневаюсь.

– Совершенно не похоже на то, как я спал при жизни, – подтвердил призрак Иосиф. Призрак Мария тоже что-то пискнула, явно соглашаясь со своим опекуном.

– Правда, есть еще Соня, – вспомнил Марк. – Она-то как раз дрыхнет. До сих пор был уверен, что кроме пляшущих огоньков ей ничего не снится, но следует признать, что я совсем не специалист. Как думаете, вы можете быть сном саламандры?

– Вряд ли, – растерянно сказал незнакомец. – Насколько мне известно, я снюсь только людям... Погодите, а у вас тут и саламандра есть?!

– Не прямо тут, а в камине, – сказал влчак Линас. Иногда он становился до крайности педантичным.

– Ничего себе! – незнакомец схватился за голову и вдруг расхохотался. – Вот это номер! Ну и компания у вас! Я и снов-то таких не припомню, а вы – наяву. Чокнуться можно!

– Еще как, – подтвердил Марк. – Но, к счастью, это только возможность, а не обязанность. Слушайте, а может быть, мы просто снимся вам? Это бы многое объяснило.

– Вы меня не путайте, – решительно сказал гость. – Я уже и так ничего не понимаю. Но совершенно уверена, что вы мне не снится. Сниться – это моя работа.

– Обычное дело, сапожник без сапог, – сочувственно заключила ворона Эсмеральда. – А как же вы отдыхаете?

– Это мне и самому интересно, – вздохнул незнакомец. – По-моему, никак. Не было пока прецедента.

– А хотите чего-нибудь выпить? – спросил Марк. – У нас есть грушевый сидр. И темный ром, но он на кухне. И, кажется, осталась Мариина кока-кола. Еще теоретически можно сварить кофе, но мне, честно говоря, лень. Зато могу поделиться своим чаем. Но учтите, он довольно крепкий.

– Я бы, честно говоря, все, что у вас есть попробовал. Я не жадный, мне просто интересно.

– А если бы и жадный, – ухмыльнулся Марк, открывая банку с сидром. – Подумаешь! Не самый тяжкий, на мой взгляд, порок. Я и сам жадный. Особенно до чужих тайн. Вот прямо сейчас мне ужасно интересно, как это возможно – быть чьим-то сном и в то же время отдельным человеком? Я думал, наши сны только у нас в голове. Ну, то есть в сознании. В общем, понятно.

– Ну так сны бывают разные, – пожал плечами гость. – Одни, по вашему выражению, «только в голове», другие приходят извне. А самые интересные сновидения – это всегда сумма перечисленных факторов. Лично я люблю соваться в чужие сны на правах не наблюдателя, но действующего лица. Сознание сновидца действует на свое усмотрение, а я – на свое. Никогда

не знаешь, как будешь выглядеть в следующую минуту. И каким именем тебя назовут. И что с тобой случится. Но разум, волю и память о себе это, конечно, не отменяет. Как и возможность повернуть все по-своему, когда надоест чужая игра. Невероятно интересно порой выходит. Но слушайте, похоже, быть увиденным наяву еще интересней! Никогда не думала, что со мной такое может случиться... Или «не думал»? А вот кстати, как я сейчас выгляжу? На кого похож?

– А разве вы сами не знаете? – опешила ворона Эсмеральда.

– Конечно, нет. Откуда?

– Вы выглядите как мужчина средних лет, – сообщил влчак Линас. – Русые волосы, серые глаза...

– Идемте, – решительно сказал Марк.

– Куда?

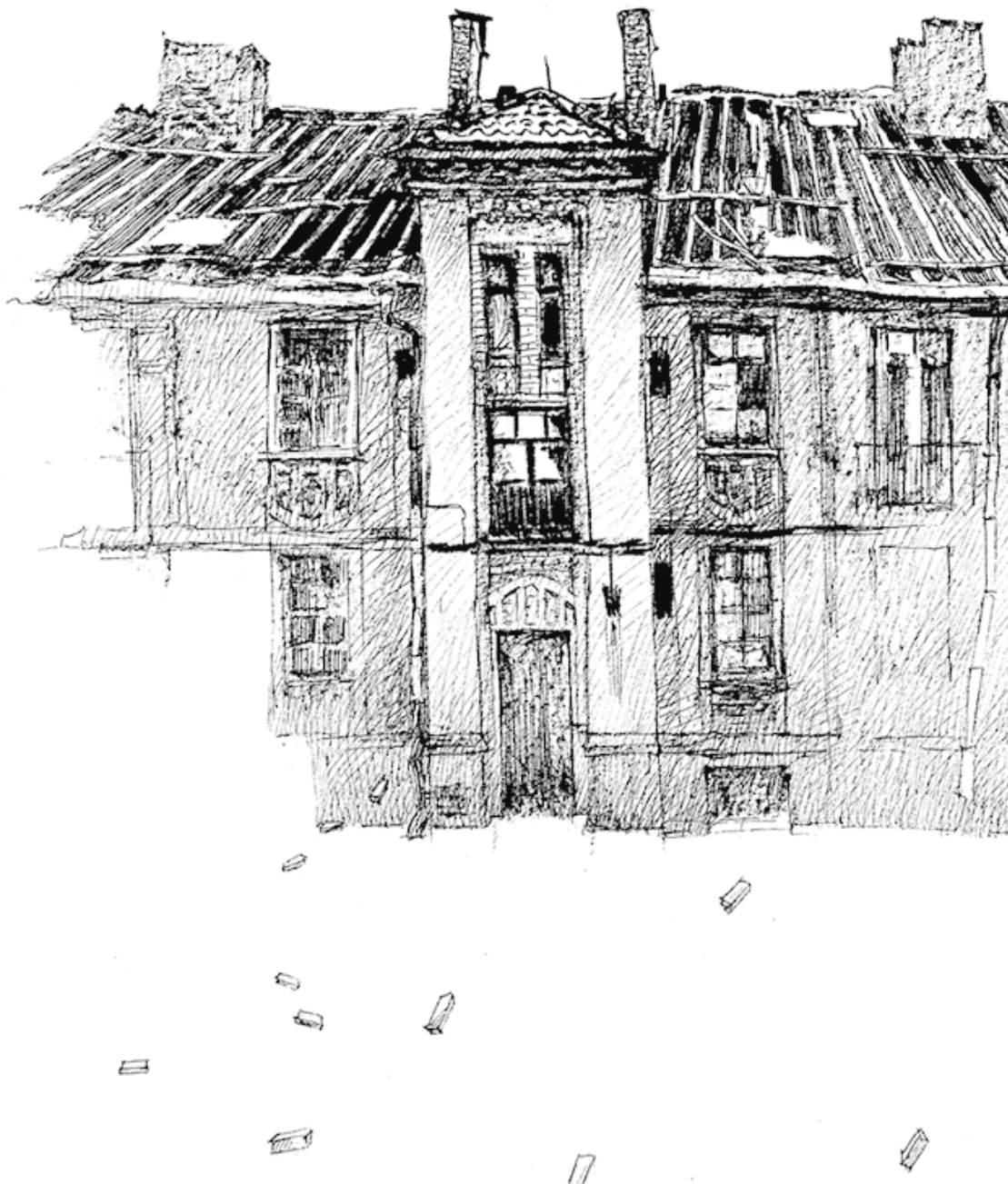
– В коридор. У нас там висит зеркало. Лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать, по крайней мере, так говорят. Вот и увидите. Если, конечно, вы отражаетесь в зеркалах. Что совершенно не факт.

Однако он все-таки отразился. Рассматривал себя недолго – бросил взгляд и отвернулся недовольный.

– Ужас. Какая скучная рожа. По-моему, ваше зеркало врет. Не может быть, что это я.

– На самом деле ваше отражение похоже на то, что вижу я, – заверил его Марк. – Ничего ужасного, лицо как лицо. Думаю, его можно здорово оживить мимикой, она же гораздо важнее черт.

– Кстати, да, – согласился незнакомец. – Но все равно немного обидно так выглядеть. Наверное, просто с непривычки. И еще удивительно, что я оказался мужчиной. Снюсь-то я кем придется, но в глубине души всегда была уверена, что я женщина. То есть, был уверен. Ай, ладно...

– В первую секунду вы и выглядели как женщина. Высокая такая. А потом почему-то передумали. Может быть вы просто и то, и другое?

– Скорее уж не то и не другое, – усмехнулся гость. – Как я могу быть чем-то конкретным? Полная ерунда. Просто заигрался. И устала. Забыл, как на самом деле обстоят мои дела. Наверное, в этом все дело.

– А может быть, попробуете поспать? – предложил Марк. – С вашей точки зрения такая идея звучит нелепо, я понимаю. Но все-таки новый опыт. Почему нет?

– Почему нет, – эхом откликнулся гость. – А что, давайте.

– Расстелю вам фuton в кабинете, – решил Марк. Там вас никто не потревожит.

– Он же так и не попробовал напитки, – спохватился влчак Линас после того, как за гостем закрылась дверь. – Давайте ему отнесем.

Но когда они вошли в кабинет с подносом, таинственный незнакомец уже сладко спал, с головой накрывшись одеялом. Из-под одеяла выглядывали лишь копна рыжих кудрей, тонкая

девичья рука, да длинный чешуйчатый хвост, с виду явно драконий. И Марк подумал, что пока, пожалуй, не готов увидеть все остальное. Может быть, завтра.

...Но назавтра из спальни вышел все тот же мужчина средних лет, который вчера недовольно крутился перед зеркалом. Выпил залпом стакан воды, сонно спросил: «Ничего, если я еще немножко у вас посплю?» – и, не дожидаясь ответа, затопал обратно.

– Да на здоровье, – сказал ему вслед Марк. – Спите, сколько пожелаете, хоть до осени. Только уж простите великодушно, сегодня я буду шуметь. Надо забить несколько гвоздей. Но я быстро!

– Да по фигу, – блаженно улыбнулся гость. – Все равно ни черта не услышу.

Когда Марк заглянул в кабинет, сообразив, что неплохо бы предложить этому засоне поесть, тот уже снова крепко спал. Из-под одеяла на сей раз выглядывал не драконий хвост, а огромное крыло, белое, как вишневый цвет.

«Да, такого стуком молотка, пожалуй, не проймешь», – флегматично подумал Марк. И пошел приколачивать к стенам холсты. Сколько можно откладывать.

– Боже мой, какая красота, – сказала ворона Эсмеральда. – Я бы хотела такую юбку!

Марк знал, что в ее устах это наивысшая похвала. Да и сам был доволен картиной. Хотя начинал ее, совершенно не рассчитывая на мало-мальски сносный результат. И вообще ни на что не рассчитывая. Просто – почему бы и нет.

– И это только начало, – сказал он, машинально, по старой привычке вытирая кисть о штанину. – Истинно тебе говорю.

...Спать лег в гостиной на диване, слишком коротком и узком. Можно было бы подняться в мансарду, но Марк заранее позаботился о ближайшем будущем: проснуться в помещении, пропахшем масляной краской и растворителем – одна из самых простых разновидностей совершенного счастья. Вообще непонятно, как столько лет без этого обходился, совсем бедный дурак.

Кошка Катя свернулась клубком в ногах, толстый кот Соус кое-как втиснулся между человеческой спиной и диванными подушками. Наверху лежали, обнявшись, ворона Эсмеральда и влчак Линас, в кабинете дрых без задних ног рыжий чужой сон с крыльями и хвостом, под потолком умиротворенно мерцали призраки, шептались о чем-то своем. В камине сладко спала саламандра Соня, веская причина никогда не съезжать из этой квартиры, которая, по правде сказать, понемногу становится тесновата для такой большой компании. Но тут уж ничего не поделаешь.

Улица Гелю (Gėlių g.) Немного не туда

Когда незнакомец приветственно поднимает руку

Когда рыжий незнакомец, на добрую голову выше уровня уличной толпы приветственно поднимает руку

Когда высоченный рыжий незнакомец, чья улыбка занимает добрых три четверти улицы, а глаза сияют, как синие шаровые молнии, поднимает руку, того гляди, восторженно замашешь ему в ответ и только потом поймешь, что приветствие адресовано не тебе

Когда высоченный рыжий синеглазый улыбчивый незнакомец приветственно поднимает семипалую руку...

Чтооо?!

– Нет, я не научно-фантастический инопланетянин, явившийся покорить Землю. Просто проснулся немного не туда, но это поправимо, – скороговоркой сообщает рыжий, заметивший, оказывается, твой изумленный взгляд. И уходит, увлекая за собой подросшего друга, который на его фоне кажется хрупким подростком, хотя, если разобраться, обычной комплекции человек. Интересно, а у него-то сколько пальцев?

И стоишь потом посреди улицы, как дурак, пересчитывая собственные: один, два, три, четыре, пять, шесть. Все в порядке? Вроде бы в полном порядке. Кажется, да.

* * *

Когда, проснувшись, обнаруживаешь на своей подушке еще одну голову

Когда, проснувшись, обнаруживаешь на своей подушке совершенно незнакомую белобрысую голову, которой здесь не положено быть, потому что вчера ты уснул в пустой квартире, в здравом уме и трезвой памяти запершись на оба замка, только балкон оставил нараспашку, но этаж-то семнадцатый, господи боже ты мой

Когда, проснувшись в совершенно пустой, запертой с вечера квартире на семнадцатом этаже, обнаруживаешь на своей подушке незнакомую белобрысую голову, которая так сладко улыбается спросонок, что язык не поворачивается спросить, какого черта

Когда, проснувшись, обнаруживаешь напротив сонные, но уже веселые – заранее, щедрым авансом грядущему дню – глаза, впору улыбнуться в ответ, но ты лишь зачарованно пересчитываешь темные, как старое серебро зрачки, плавающие в этих молочносерых озерах. Один, два, три, четыре... – что?! – восемь, девять... Господи, да их целая дюжина.

...– Я часто просыпаюсь немного не туда, простите, так неловко вышло, – смущенно бормочет веселая белобрысая голова, исчезает под одеялом, и миг спустя в постели уже никого нет. То есть никого, кроме тебя самого, как и должно было быть с самого начала, все в порядке.

– Все в порядке, – шепчешь ты вслух, – все в полном порядке.

Но все равно шлепаешь босиком в коридор, где висит зеркало, испытующе смотришь в глаза собственному отражению, пересчитываешь зрачки: «Один, два, три, четыре». Все в порядке, четыре, как положено, как было всегда.

* * *

Когда в кафе заходит девушка в белом платье

Когда в кафе заходит темноволосая девушка в белом платье и садится за соседний стол

Когда в кафе заходит темноволосая девушка в белом платье, сшитом по моде пятидесятих, что ли, годов прошлого столетия, садится за соседний стол, открывает меню

Когда в кафе заходит смуглая темноволосая девушка в белом платье, приветливо кивает тебе, как старому знакомому, садится за соседний стол и сосредоточенно читает меню, предложив тебе гадать, где вы прежде встречались

Когда темноволосая девушка в белом платье сидит за соседним столом, читает меню, а ты, вдоволь наглядевшись на ее тонкий профиль, тень от ресниц, короткий смоляной завиток у виска, наконец открываешь рот, чтобы спросить: «Откуда вы меня знаете?» – и вдруг понимаешь, что у нее всего одно лицо, господи боже мой, только одно. Как, почему, зачем?

– Куда-то не туда проснулась я нынче, – смеется одноликая девушка, отложив меню. – Вот и кофе пойурски тут нет.

И, пока ты сидишь, как дурак, не в силах отвести глаз от ее единственного лица, темноволосая девушка в белом встает и уходит, небрежно взмахнув рукой на прощание, и ты остаешься один. Сидишь потом, ощупываешь собственные подбородки, левый пора побрить, зато правый в полном порядке, и все остальное, безусловно, в полном порядке, подумаешь, примерещилась какая-то девушка, не станем думать о ней.

* * *

Когда внезапно начинается дождь

Когда в жаркий солнечный день внезапно начинается дождь, и ты ныряешь в ближайшую подворотню

Когда в жаркий солнечный день внезапно начинается хохочущий сизый дождь, и ты, только что шедший по улице Гелю к вокзалу, поспешно ныряешь в ближайшую подворотню, чтобы спрятаться от его веселящих брызг, стоишь там в промокших ботинках, радуга в поллица, думаешь: «Теперь придется смеяться, пока не высохну», – но пока только улыбаешься, знать бы еще кому

Когда стоишь в подворотне на улице Гелю в промокших насквозь ботинках с радугой на лице, смеешься взахлеб, как положено всякому, кто попал под хохочущий дождь, на плечо вдруг ложится легкая, как ветер рука, и, кажется, сам ветер шепчет на ухо: «Так вот, где ты опшиваешься. А мы, дураки, бьемся головами о тучи, не в силах тебя отыскать, мог бы предупредить».

И тут, наконец, все сходится, все становится не то чтобы объяснимо, зато совершенно ясно, можно больше не мучиться, пытаюсь понять, в чем подвох.

И ты говоришь:

– Я просто куда-то не туда проснулся однажды утром – выходит, уже давно?

Говоришь:

– Я, получается, сам не понял, что натворил. Думал, все в полном порядке, все как всегда – прикинь.

Говоришь:

– А теперь разбуди меня дома.

Улица Диснос (Dysnos g.) Синий автобус Мария

Подумал: забавно, две лавки рядом, дверь в дверь, в одной товары для художников, в другой – товары, произведенные самими художниками, полуфабрикат и готовый продукт, выбери, чего надо тебе. И еще мастерская, где делают рамы – через дорогу, такую узкую, что автомобили проезжают по ней каким-то чудом, вернее, проползают на минимальной скорости, практически втягивая живот и поджимая трепетные боковые зеркала.

Не планировал делать покупки, но все-таки зашел в лавку, вернее, галерею, где продавали картины, украшения, игрушки, керамическую посуду и прочую чудесную белиберду, которая производит неизгладимое впечатление – вот так, вся, скопом. И неизменно разочаровывает, когда начинаешь выбирать что-то конкретное – все не то и не так, неплохо, но не настолько, чтобы платить даже совсем небольшие деньги и тащить ненужные безделушки в дом. В идеале, в такой маленькой уютной галерее надо просто оставаться жить навсегда или хотя бы на пару дней, потому что главная ценность подобных местечек – атмосфера, а ее не купишь, не вынесешь, не присвоишь, не воспроизведешь.

Знал это заранее, все знал, столько раз заходил уже в подобные лавки – дома и во всех городах, куда приезжал больше, чем на пару часов. Было в них какое-то необъяснимое притяжение. Всякий раз даешь себе слово не тратить время и деньги на ерунду, но не успеешь оглянуться, как уже сидишь в облезлом плюшевом кресле, в глазах рябит от разноцветных пятен «под импрессионизм», на тебя таращатся глиняные ангелы, тонконогие куклы с вдовьими лицами, деревянные коты и тряпичные зайцы, разглядываешь самодельные открытки и блокноты под вкрадчивый шепот продавщицы: «Совсем недорого, уникальная авторская работа, единственный экземпляр». И уходишь потом с пухлым свертком, перебирая в уме имена друзей и коллег: кому можно будет это подарить? Клянешься себе: «Больше никогда», – и заранее знаешь, что нарушишь этот обет прежде, чем пропоет петух – и хорошо, если только трижды. Вот и сейчас не устоял.

Сперва решил, что в лавке никого нет. Успел подумать: надо же, столько соблазнительных мелочей оставили без присмотра! И тут откуда-то сверху, практически с небес, раздался глас; впрочем, скорее приветливый, чем грозный:

– У вас решительное лицо человека, только что давшего себе честное слово ничего здесь не покупать.

Поднял голову и обнаружил под самым потолком совершенно седую женщину с таким молодым лицом, что седая прическа казалась париком, надетым ради развлечения. Женщина восседала на вершине высокой стремянки и привязывала к самодельной люстре крылатую фею в бальном платье.

От растерянности сказал правду:

– Угадали.

– Это вы просто не знаете, куда попали. Сейчас мы это исправим. Меня зовут Агата, и без покупок от меня не уходит никто. Такова убийственная сила моего обаяния. У вас есть ровно минута, чтобы спастись бегством.

Рассмеялся. И, конечно, остался. Надо же помочь даме спуститься с небес на землю, особенно когда на ней туфельки на шпильках и платье почти до пят, а стремянка шатается, словно попала в невидимый для стороннего наблюдателя, но явно жестокий шторм.

Руки ее были легки и прохладны как шелк, глаза темнее безлунной ночи, а дыхание пахло медом июльского сбора, из луговых трав.

– Спасибо, – сказала она, оказавшись на твердом надежном полу. – Вы благородный рыцарь, возможно даже заколдованный принц. За это даю вам еще один шанс уйти отсюда без покупки. Бегите же, бегите!

Сама при этом держала за руку, явно не собираясь отпускать. Превосходный тактический маневр.

– По крайней мере, в награду за спасение я не продам вам картину, – решила Агата. – Вы явно приехали сюда из другого города – Киев? Краков? Калининград? – пока не понимаю, но явно на букву «К». В любом случае, тащить с собой громоздкую покупку – не лучшая идея. Решено, картины не для вас!

Улыбнулся:

– Очень любезно с вашей стороны беспокоиться о моем багаже. А я действительно из Киева, вы угадали. Удивительно все-таки, что у вас в городе почти со всеми можно договориться по-русски. Честно говоря, не ожидал.

– Да у нас почти на любом языке почти со всеми можно договориться, – отмахнулась она. – Такой уж мы, виленчане, сговорчивый народ! Однако вы нравитесь мне все больше. Придется предложить вам кофе. Не стесняйтесь, это обычная часть обольщения, и при этом ни к чему вас не обязывает. Равно как и моя болтовня. Просто настроение сегодня такое – хочется всех дразнить и задирать. И немножко кокетничать. Но как назло, почти ни одного покупателя. Вы третий, за весь день. Вторники в этом смысле вообще дурацкие дни, хуже воскресений и понедельников. Не знаю, почему. Хоть выходной переноси!

Пока болтала, нажала на кнопку кофейной машины, та склочно фыркнула и облагодетельствовала подставленную чашку тоненькой струйкой темной жидкости. Налила на два глотка, зато восхитительный аромат заполнил всю лавку, вот теперь и правда хоть до ночи тут оставайся, плевать на хорошую погоду и на запланированную прогулку плевать. Из рая добровольно не уходят.

– Садитесь, – предложила Агата. – Да вот прямо сюда, на мой стул. А я сяду на подоконник. Зря, что ли, все утро разбирала сваленный на него хлам. То есть, простите, произведения искусства. Уникальные авторские работы. Которые совершенно прекрасны после того как займут свои места на стенах и в витринах. Но пока свалены в кучу на подоконнике – хлам. Сколько лет в этом бизнесе, а до сих пор удивляюсь, насколько экспозиция важнее самих объектов. Поразительно!

Сказал:

– Слушайте, а может быть, я просто на вас женюсь? Вот прямо сейчас. И останусь здесь навек.

– Навек – это вряд ли, – отмахнулась Агата. – Максимум до четверга. Потому что по четвергам у меня обычно плохое настроение. Что, честно говоря, совершенно некстати, покупатели по четвергам приходят буквально один за другим. Но я все равно становлюсь сварливой, всем недовольной старухой. И отгаиваю только к вечеру пятницы. Но за это время все молодые мужья успевают благоразумно сбежать. Так что не имеет смысла заводить канитель. Лучше давайте подумаем, что из моего товара может пригодиться вам по-настоящему. Чтобы вам не пришлось забывать покупку в гостинице, передаривать кому-нибудь из приятелей, или прятать на самую дальнюю полку шкафа, на радость будущим наследникам. Нас с вами не должны интересовать столь недостойные компромиссы, верно?

Согласился:

– Верно. Но, честно говоря, не думаю, что...

– Не думаете, что у меня найдется хоть одна нужная вам вещь? А вот сейчас поглядим.

Сказал обреченно:

– Ну вот, разве что блокнот...

По крайней мере, самодельный блокнот – это действительно хороший подарок любой девочке от пяти до ста или сколько там нынче живут самые упертые долгожители.

Отмахнулась.

– Блокнот вам совершенно не нужен. Просто его легко передарить.

– Какая вы проницательная. Еще немного, и я начну вас бояться.

– Раньше надо было начинать, – усмехнулась Агата. – А теперь уже не имеет смысла.

Но если вам кажется, будто я читаю ваши мысли, немедленно выбросите эту ерунду из головы. Я просто очень опытный продавец. И прекрасно знаю, что мужчины покупают такие красивые и непрактичные блокноты только для того, чтобы дарить их женщинам. Исключения, конечно, встречаются, но это огромная редкость.

И, помолчав, добавила:

– На самом деле даже к лучшему, что вам не нужен блокнот. Эта партия не самая удачная. Что касается их привлекательности и качества работы, лучше во всем городе не найдете, я точно знаю. Но пользоваться ими для записей я бы вам не советовала. Понимаете, на своем веку я перевидала великое множество блокнотов ручной работы. Большинство прекрасно выполняет свою функцию, в них можно беспрепятственно писать и рисовать все, что взбредет в голову. Но не о них сейчас речь. Иногда попадаются блокноты, в которые можно записывать только чужие мысли. Их владельцы обычно удивляются: надо же, думал об одном, а написал совсем другое. И те, что пообразованней, списывают случившееся на проделки подсознания, а остальные вздыхают: «Ну и каша у меня в голове!» А на самом деле, это просто мастер что-то сосредоточенно обдумывал, пока клеил блокнот, и вот нам результат: бумага впитала его размышления и теперь во что бы то не стало желает явить их миру. Бывают еще блокноты, которые не мешают записывать, что хочешь, но при этом чуть-чуть добавляют от себя, буквально пару слов, так сразу и не заметишь, особенно если перечитываешь долгое время спустя. В некоторых случаях поправки меняют смысл написанного, или, напротив, придают ему убедительности, а иногда подсказывают удачные идеи, как повезет. Это, конечно, большая редкость, а жаль! Такой я бы вам, пожалуй, продала, забавная могла бы выйти игрушка и доброе воспоминание о нашем знакомстве, но нет, так нет. А больше всего я люблю блокноты, которые сами иллюстрируют записи картинками. Представляете? Записываешь что-нибудь, а несколько дней спустя обнаруживаешь между строк и на полях рисунки. Думаешь: «Надо же, когда это я успел? Не помню». А присмотревшись, удивляешься по-настоящему: «Неужели я умею так здорово рисовать?» И пытаешься повторить – разумеется, тщетно. Потому что у не всякого хорошего художника в удачный день так получится. Изумительно тонкая графика, некоторые рисунки приходится рассматривать с лупой, но они того стоят. Я знаю всего двух мастеров, которые делают подобные блокноты. Один живет в Лондоне, второй – в какой-то чешской деревне, и как заполучить хотя бы несколько экземпляров, совершенно не представляю.

Слушал ее и только головой качал: вот это фантазия! Потрясающе.

– А с этими блокнотами дело неладно, – вздохнула Агата. – Я даже подумываю вернуть их мастеру, но только после того, как разберусь, что к чему.

Решил поддержать игру. Спросил:

– Неужели записи из них исчезают? Сколько ни напиши, а завтра снова чистые страницы?

– О таких блокнотах я только слышала, – совершенно серьезно ответила Агата. – Своими глазами не видела никогда, а потому даже не уверена, что они существуют. А в этих записи остаются на месте, будьте уверены. Плохо другое: автор тут же теряет к ним интерес. Если набрасывал план будущей книги, будьте уверены, он ее никогда не напишет. Если записал чей-то телефон, не захочет продолжать знакомство. А если, скажем, путевые заметки, будет потом вспоминать поездку как самую скучную в своей жизни: ничего не впечатлило, кроме яблочного

пирога в кафе, о котором, как выяснится, если внимательно перечитать записи, просто забыл упомянуть. И так далее.

Представляете?

– Слушайте, по-моему, действительно ужасно.

– И я о том же! Но пока не перепроверю свою версию и не разберусь, почему так вышло, блокноты будут лежать на прилавке. Не хочу зря обижать мастера. А отговаривать покупателей я умею не хуже, чем уговаривать.

Улыбнулся:

– Да, это я заметил. От покупки картин вы меня отговорили сразу, теперь вот и блокноты отсоветовали.

– Только потому что хочу, чтобы вы унесли отсюда действительно нужную вам вещь. А не какую-нибудь бесполезную ерунду.

– Ну, положи руку на сердце, за полезными вещами в лавки вроде вашей и не ходят.

– А вот тут вы ошибаетесь. От иной картины или куклы пользы куда больше, чем от целого хозяйственного гипермаркета. Другое дело, что не во всяких руках. Но так можно сказать о любой вещи.

– Куклы у вас действительно красивые. Особенно та, под потолком. Даже жалко, что у меня нет дочки.

– Зато когда она появится, вы будете знать, куда возвращаться, – рассмеялась Агата.

– Прекрасная перспектива. Но весьма отдаленная – если учесть, что пока у меня нет даже жены.

– О! – Агата подняла вверх палец. – Именно! Вот что вам нужно.

Рассмеялся.

– Так вы еще и женами приторговываете?

– Упаси боже. Никаких жен. Обычный ассоциативный ряд: жена, дом, кухня, чаепитие вдвоем, чашки... Чашки! Готова спорить, вы пьете чай и кофе из чего попало. Пару кружек подарили друзья, одну – на работе; потом, конечно, должно быть несколько совсем старых чашек, доставшихся вам от родителей, или от хозяев съемной квартиры; ими вы, скорее всего, не пользуетесь, достаете только если приходят гости, и посуды на всех не хватает. Вряд ли вам приходило в голову пойти и купить чашку себе по вкусу: есть из чего пить, вот и ладно.

– Все-таки вы ясновидящая.

– Нет, просто довольно наблюдательная. К тому же достаточно долго живу на свете; впрочем, все это неважно. Важно, что на самом деле посуда влияет на вкус и даже свойства напитка... Ага, теперь вы скептически улыбаетесь. Тем лучше! Если станете обращать на это внимание, рано или поздно убедитесь, что я была права. И помянете меня добрым словом.

Сказал:

– А знаете что? Чашка – это действительно вариант. Я люблю красивую посуду, но никогда ее не покупаю. Потому что, как вы сами сказали, в доме и так есть из чего пить. Да и времени я там провожу совсем немного.

– Но кофе-то по утрам пьете? – деловито спросила Агата. – Или чай? Утро – это очень важно. Оно дает настрой на весь день.

– Ваша правда. Буду вспоминать по утрам, как мы с вами чудесно болтали. Действительно отличное начало дня. Осталось выбрать чашку. Это самое сложное.

Глаза разбегаются. Может, наугад?

– А хотите я сама выберу? – предложила Агата.

– Так лучше всего.

– Честно говоря, я уже давно выбрала, – призналась она. – Как-то сразу стало ясно, что вот эта – ваша.

И протянула ему тонкостенную керамическую чашку. Довольно вместительную, совсем простую, лаконичной цилиндрической формы, зеленую снаружи, светло-шоколадную внутри, явно не самую красивую в лавке. Однако взяв ее в руки, сразу понял: надо же, и правда моя вещь. Очень легкая, немного шершавая, с идеально гладкой ручкой, прохладная и одновременно теплая, словно заранее, авансом нагрелась от кофе, который будет налит в нее когда-нибудь потом – завтра утром, неделю спустя, через год.

Сказал:

– Вы все-таки совершенно удивительная. Знаете, что мне нужно, лучше, чем я сам.

– Вот именно поэтому от меня никто не уходит без покупки, – улыбнулась Агата. – С вас тридцать литов, с меня упаковка. Заверну так, что с крыши небоскреба можно ронять, не разобьется. А уж до дома довести – вообще не проблема.

Хотел было отказаться: зачем заворачивать, я не стану залезать на небоскреб, и вообще собираюсь пить из нее кофе завтра же, в гостинице, благо там есть электрический чайник. Но пока открывал рот, Агата успела наvertеть на чашку столько слоев бумаги, что промолчал. Если чей-то труд обречен быть тщетным, лучше ему об этом не знать.

Немного жалел, что все произошло так быстро, и теперь, ничего не поделаешь, придется уходить. С другой стороны, там, за окном, такое сладкое медовое осеннее солнце заливает улицу Диснос и добрую сотню других улиц и бульваров, узких и широких, заасфальтированных и вымощенных булыжником, засаженных деревьями и загроможденных припаркованными автомобилями, разных, пока не исследованных, надо спешить.

– Спасибо за покупку, хорошего дня, – вежливо сказала Агата, протягивая ему бумажный сверток, изящно перевязанный тонким пучком соломы. И вдруг, приподнявшись на цыпочки, поцеловала в щеку. Сдержанно, как старшая сестра. Но все равно был потрясен – настолько, что даже не понял, как вышел из лавки. Просто вдруг обнаружил себя на улице, а свое отражение – в окне дома напротив. Подмигнул ему заговорщически – дескать, пошли со мной, не пожалеешь.

И они пошли.

...В гостиницу вернулся сильно за полночь. Так устал, что едва уговорил себя раздеться, а потом упал и уснул – как умер. На краткий миг длиной в целых девять часов. Завтрак проспал, конечно. Но ни о чем не жалел. Набрал в чайник воды, щелкнул кнопкой и пошел умываться.

Кофе заварил в гостиничной кружке – просто залил кипятком, накрыл блюдцем и оставил стоять. Достал из рюкзака вчерашнюю покупку, развернул бумагу, ополоснул чашку горячей водой. Сказал:

– Привет. Теперь я буду пить из тебя кофе.

Никогда прежде не разговаривал с посудой. Но нынче утром на фоне бледных стен и темных портьер стандартного гостиничного номера новая чашка казалась яркой индивидуальностью. И не просто одушевленной, а чрезвычайно важной персоной. Даже немного неловко наливать в нее кофе, заваренный столь варварским методом, «по-офицерски», как говорил отец. Поймал себя на желании извиниться перед чашкой, объяснить: дескать, не думай обо мне плохо, дома я варю кофе как приличный человек, в джезве, на медленном огне, с кардамоном и мускатным орехом, это только сегодня, в гостинице приходится выкручиваться по-походному, прости.

Но все-таки сдержался.

Аккуратно, чтобы весь осадок остался на дне, перелил кофе в новую чашку, попробовал и был не просто доволен, но даже отчасти потрясен. Слишком хорошо получилось. Можно сказать, подозрительно хорошо. Вспомнил, что Агата говорила, будто посуда влияет на вкус напитка. Любопытства ради попробовал остатки из гостиничной кружки и чуть не выплюнул – гораздо хуже! Вот и отлично, теперь есть повод еще раз зайти в лавку на Диснос, сказать Агате, что она была совершенно права.

Пил кофе и одновременно брился – не потому что спешил, просто в таком приподнятом настроении не мог усидеть на месте, совсем как в детстве, когда выскакивал из-за стола, бежал в свою комнату за какой-нибудь игрушкой, возвращался, съедал еще кусочек и, толком не дожевав, снова вскакивал, чтобы выглянуть в окно или просто подпрыгнуть, а потом можно продолжить завтрак, если не найдется более интересных дел. Одеваясь, приплясывал, от полноты чувств прижимал к сердцу тощую гостиничную подушку, в конце концов, немного постоял на голове и только тогда успокоился – настолько, что можно было выходить без риска задушить в объятиях пару-тройку особо симпатичных прохожих. А что на первый этаж съехал по перилам – пустяки, дело житейское. Тем более, и не видел никто.

Вырвался наконец на улицу, где нынче было так солнечно, что начали наливать тьмой теневые фонари, прошел пыльным розовым мигом к остановке, принялся к приближающемуся автобусу: мята и малина, стало быть, не тот, мой – горячая карамель, синий как солнце автобус Мария, а не красный по имени Карл. Но все-таки проверил, поглядел на безымянный палец левой руки, на ногте проложен сегодняшний маршрут, все правильно, не перепутал.

Чтобы не скучать в ожидании, окунулся в зеленое, вызвал бурю – не настоящую, а крутящуюся колесом, бросил ей несколько лепестков шиповника, которые таскал в карманах горстями, потому что на улице всегда есть кого покормить. И вдруг почувствовал ласковое грядущее прикосновение к руке, а потом к шее, скорее всего, губами – не сегодняшнее, не завтрашнее даже, довольно далекое, декабрьское или даже январское, но какая разница, когда прямо сейчас уже так хорошо. Ухватился за ощущение, чтобы определить его длительность, чуть не заплакал от счастья – прилюдно, на автобусной остановке, по горло в зеленом, почувствовав что прикосновение повторится неоднократно, дальше смотреть не стал, никогда не умел быть дотошным в таких делах, да и, по правде сказать, не хотел, если жизнь перестанет быть каждодневным сюрпризом, зачем, скажите на милость, она нужна?

Сладкий тяжелый карамельный дух быстро привел его в себя – синий автобус Мария уже приехал. Соберись, заходи, не забудь заплатить за проезд, благо на этом маршруте берут недорого, достаточно вспомнить, как держал в руках живое существо – ребенка, кошку, лягушку, щенка, не имеет значения, любое живое у тебя на руках, и точка, можешь кататься хоть до полуночи, пока не наступит новый день.

Вспомнил стрекозу в парке, вдруг севшую на плечо, но это почему-то не подошло, пришлось выудить из памяти белую крысу – дома у одноклассницы, с которой занимались не то физикой, не то еще какой-то школьной ерундой; крысу всем разрешали брать в руки, тискать и гладить, говорили: «Она любит быть в центре внимания», – и теперь тщеславие давным-давно умершей белой крысы поможет оплатить проезд, чрезвычайно удачное стечение обстоятельств, и одновременно очень смешно.

Заплатив, ухватился за поручень, гладкий и сладкий, почему-то с ванильным привкусом; впрочем, левой ладони в последнее время всюду мерещится ваниль; говорят, такое бывает от затянувшегося одиночества, а еще от скверного мыла для рук, вот и поди разбери, что стало причиной. Впрочем, неважно, ваниль так ваниль, поехали, сколько можно тянуть.

Погружаясь на дно, где осуществляется подмена пространств, успел подумать: «На этой глубине я обычно никого не люблю», – и тут же обозвал себя круглым дураком, ощутив на губах горячий шепот, неразборчивый, темный, как вулканический пепел, почти неважно, чей, хотя лучше бы все-таки вспомнить, потому что...

Но тут на плечо легла чужая рука, скорее дружественная, чем враждебная, усталая, отяжелевшая от впечатлений, довольная собой, немного слишком плотная для такого чудесного дня.

Сказал укоризненно:

– Я же только что заплатил за проезд.

Но и сам тут же понял, что это не контролер. Ничего себе, кто же тогда? Обернулся, сгорая от любопытства, и обнаружил у себя за спиной дерево, водопад и седого коренастого мужчину в форме полицейского. Разумеется, они были одним существом, просто видеть только человеческий облик слишком скучно, а с деревом и водопадом поди договорись, особенно когда сам не являешься ни тем, ни другим, а только вороном, ножом и северным ветром. Поэтому говорить, конечно, придется именно человеку с человеком, как всегда. Все как всегда.

Хотел спросить: «Я арестован?» – но и сам понимал, что это совсем не смешная шутка. Ну и вообще, если к тебе внезапно обратился незнакомец, лучше внимательно слушать, чем болтать. Больше толку.

– Велика вероятность того, что вы стали жертвой мошенничества, – сказал полицейский. – По долгу службы я обязан записать ваши свидетельские показания и, по мере возможности, компенсировать нанесенный вам ущерб.

Пока он говорил, мир становился все более плотным и одновременно скудным. Уходили запахи, ритмы, оттенки, ощущения. И даже сам от себя каким-то образом уходил, наливаясь тяжестью, упрощаясь, опустошаясь. Вдруг перестал ощущать себя ветром, вороном и ножом, влюбленным в будущий декабрь, просто помнил, что так недавно было. Но даже воспоминания приходилось удерживать с усилием. Твердить про себя, как текст из учебника иностранного языка, который задали выучить и цепкая память уже сохранила незнакомые иностранные слова, осталось теперь найти словарь и убедиться, что правильно понимаешь их смысл.

На что, честно говоря, совсем мало надежды.

Седой полицейский тем временем распахнул перед ним дверь гостиницы, откуда совсем недавно даже не вышел, вылетел, как разбушевавшийся вихрь. А теперь на своих двоих обратно, по лестнице, в номер, где, честно говоря, только и радости, что новая чашка. И, кстати, почти полная пачка кофе... Ох, нет, я сейчас думаю не о том.

Сказал:

– Слушайте, подождите. Мы же с вами только что ехали в автобусе. Куда он вдруг подевался?

– Штука в том, что ни в каком автобусе мы с вами на самом деле не ехали, – устало вздохнул полицейский. – Давайте пройдем в ваш номер, я постараюсь объяснить.

Чуть не заплакал – бог весть почему. Подумаешь – автобус.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.